

Кирилл
КАЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИ В ЗАКОНЕ

**КРИМИНАЛЬНАЯ
ИМПЕРИЯ**

Кирилл Казанцев

Криминальная империя

Серия «Оборотни в законе»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6352038

Казанцев К. Криминальная империя : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-66983-7

Аннотация

Принципиальный мент Зосима Игнатьев в пух и прах разругался с начальством, уволился из полиции и поехал жить к брату, в тихую станицу под Краснодаром. Но насладиться беззаботной жизнью не получилось. Произошла страшная трагедия: во время домашнего торжества бандиты жестоко расправились с братом и его семьей, а потом подожгли дом. Зосима обратился в полицию, но там ему заявили, что произошел несчастный случай – семья погибла из-за неосторожного обращения с огнем. Тогда бывший полицейский стал сам расследовать это дело и вскоре понял, что в станице криминальные структуры настолько сильно срослись с властью, что уже и не разберешь, кто преступник, а кто государственный служащий...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	49
Глава 4	67
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Кирилл Казанцев

Криминальная империя

Глава 1

Несколько темных фигур, прижимаясь к высоким заборам коттеджей, двигались со стороны окраины, где только что слышались звуки автомобильных моторов на низких оборотах. Окраина райцентра спала, и только в нескольких домах еще горел свет. Где-то в ночи залаяла собака, ей ответила вторая. И вот уже разноголосый хор с остервенением рвал тишину. Так же неожиданно собачья «перекличка» стал утихать. И только какая-то неугомонная шавка продолжала звонко и призывно тявкать в соседнем переулке.

Фигуры остановились у одного из коттеджей, сгрудились, затем присели под забором, собранным из листового шифера и железных столбов.

– Точно нет собаки? – хриловатым шепотом спросил мужчина.

– Точно, зуб даю, Череп! – ответил ему другой, нетерпеливый.

– Зуб! – хриловатый усмехнулся. – Я тебе, если что, не зуб, а челюсть выворочу! Собаки всякие бывают. Она, может, притаилась и ждет, когда мы полезем через забор. А по-

том начнет из тебя мясо рвать. Это как ее выучить! Хозяин бывший мент!

– Ме-ент! – довольным голосом ответил второй. – Череп, ты мне его отдай, а?

– Он мой! – голос хрипловатого стал злым. – Он мне за брата ответит должен. Я поклялся. И ты, Жбан, мне под руку не лезь!

– Ладно, чего ты! Я, что ли, не понимаю? Братан – дело святое. Череп, погнали, а? У них там гулянка в самом разгаре, самое время под шумок заявиться.

– Давай, – разрешил хрипловатый.

Ловко, как будто специально тренированными движениями, темная фигура перемахнула через забор. Послышался негромкий металлический звук отодвигаемой задвижки. Тихо скрипнула петля калитки. Несколько человек бросились через неосвещенный двор к веранде. Последним, аккуратно прикрыв калитку, неторопливо вошел тот, кого называли Черепом.

В большой гостиной на первом этаже пели, дружно с прибаутками поднимали рюмки. И когда распахнулась дверь и в проеме показалась фигура незнакомого парня, никто особенно не удивился. Мало ли, может, кто из соседей? Но когда в комнату один за другим стали врываться все новые и новые незнакомые люди, то поняли, что пришла беда. Но никто не успел ничего сделать. Крепкие парни, даже не скрывая своих лиц, мгновенно окружили большой праздничный

стол, сверкнули лезвия отполированных ножей.

Били ловко, умело и с наслаждением. Лезвия сверкали под подбородками жертв, впивались в грудь, в спину, под лопатку. Удар следовал за ударом, и никто из жертв не успел толком крикнуть. Двое бандитов свалили ударом кулака девушку лет двадцати, сидевшую с краю стола. Один схватил ее за руки и, вытянув их над головой, прижал к полу коленом. Второй навалился всем телом, разодрал на груди блузку вместе с белоснежным кружевным лифчиком, впился жадными губами в нежную грудь. Пальцы с непромытыми ногтями тискали тело и терзали, а из горла насильника вырывался животный хрип. Девушка билась в истерике, обезумевшие глаза смотрели, как брызжет со всех сторон кровь, как вскрикивают и стонут умирающие. А рука парня потянулась вниз по бедру, рванула юбку, стала сдирать и рвать кружевные трусики.

– Косой, кончай! – раздался в дверях хриловатый голос. – Я что велел делать?

– Я... щас, Череп... – задыхаясь от возбуждения, ответил насильник, – ща кончу... кайф... сука!

– Косой! – грозно прикрикнул главарь.

– Все, Череп, все... – задыхаясь и дергаясь в конвульсиях, прохрипел насильник, – все уже...

Он устало приник головой к обнаженной трепещущей груди, а его рука потянула из кармана нож. Блеснуло, перерезая горло девушки, лезвие, и ударила струя крови. Окро-

вавленный нож несколько раз поднялся и опустился под левым соском. Тело девушки дергалось и выгибалось при каждом ударе, из перерезанного горла раздавался булькающий предсмертный хрип.

Главарь с прищуром осмотрел комнату и кивнул одному из своих помощников наверх, в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

Андрей Иванович Борисов в свои тридцать пять лет был знаменит не только в Романовской области Краснодарского края. Умный рачительный хозяин, отличный руководитель, великолепный специалист, он за десять последних лет создал агропромышленный комплекс, который не столько по масштабам производства, сколько по новаторству, по уровню технологичности, культуре производства превзошел своих конкурентов на юге России.

А начинал он свою карьеру простым зоотехником, молодым выпускником Сельскохозяйственной академии в третьеразрядном хозяйстве. Три года Борисов присматривался, набирался опыта. За три года он убедился, что его начальство лениво и туповато, что перспектив у хозяйства выбраться из долгов и помимо государственных субсидий начать зарабатывать самим нет. Борисов сделал несколько попыток улучшить производственный процесс за счет внедрения современных сельскохозяйственных технологий, но уперся лбом в стену. Администрация хозяйства не приняла

его предложений, продолжая пребывать в полусонном бездействии и лени. С этих пор цели молодого амбициозного специалиста круто изменились. Борисов огляделся по сторонам и принял решение. По всей науке он составил план будущего бизнеса, за гроши взял в аренду молодняк телят в соседнем разваливавшемся хозяйстве, а через определенное количество лет сдал на мясо с таким весом, что удивился сам. Наука – великая сила. И на следующий год все завертелось. Кредиты, договоры, контракты. Теперь он собственник и генеральный директор такого комплекса, что на него с уважением смотрели фермеры из Канады, приезжавшие с делегацией в область в прошлом году.

От совещания, на которое его пригласили к вице-губернатору области, Борисов многого не ждал. Он уже давно не надеялся на местных чиновников, они были не в состоянии сколько-нибудь серьезно повлиять на положение сельского хозяйства в области. Иных методов, кроме безудержного вливания денег в отрасль, они придумать были не в состоянии. Занятие это малоэффективное для отрасли, потому что контроль за расходованием бюджетных средств был слаб. А может, потому и был он слаб, полагал Борисов, чтобы у чиновников была возможность отхватить солидный кусок для своего кармана. Он и сам не раз пользовался жадностью чиновников для решения собственных производственных вопросов. Где мясом, где наличными деньгами, где видимостью спонсорской помощи.

Высокий, худощавый, в дорогом костюме и с короткой стрижкой рано поседевших волос, Борисов стремительно вошел в зал для совещаний. Все присутствующие как по команде обернулись к нему. Кто смотрел с уважением, кто с завистью, а кто и с затаенной неприязнью.

Совещание вел Михаил Иванович Остапенко – заместитель главы администрации района, курирующий сельское хозяйство, взаимодействие с районными органами местного самоуправления и еще кое-какие вопросы. За большим овальным столом сидели несколько руководителей отделов и управлений, руководителей местных государственных, муниципальных и частных предприятий. Сельскохозяйственный профиль представлял только один Борисов. Он это заметил сразу.

– Ну что, давайте начинать, – постучал карандашом по столу Остапенко, закончив о чем-то переговариваться со склонившимся к нему начальником юридического управления Кадашкиным. – Господа, основной вопрос сегодняшнего совещания касается инвестиционной политики области в целом и некоторых предложений зарубежных инвесторов в частности. Особенно тех, которые напрямую касаются нашего района.

Борисов ругнулся про себя и мельком глянул на наручные часы. Прежде чем приглашать на расширенное совещание, его могли бы заранее ознакомить с инвестиционным портфелем. О чем совещаться, если он не знает сути предложе-

ний, не провел предварительных расчетов, не проанализировал ситуацию. Никаких решений сейчас он принимать не будет, да и никто другой тоже.

Хрипловатый барственный голос Остапенко звучал монотонно, а на дородном несколько обрюзгшем лице сохранялось выражение ленивой снисходительности.

Слово получил представитель министерства инвестиционной политики. И посыпались цифры. Создавалось впечатление, что этот чиновник пришел сюда для бравадного отчета, а не ради того, чтобы заинтересовать производителей.

Довольно бодро было отрапортовано об инвестированных суммах в прошлом году, руководителям было предложено сообщить об эффективности реализуемой совместно с правительством области и руководством района программы. Борисов все еще не понимал сути этого совещания. Но когда минут через тридцать наконец озвучили интересное предложение от некоего международного холдинга, он догадался: весь этот спектакль построен именно ради этого предложения. И предприятия на совещании были представлены из разряда «придворных», это Борисов хорошо знал, и повестка дня была выстроена специально так, чтобы создать видимость всеобщего успеха. Это Борисов тоже понял.

– Таким образом, Андрей Иванович, – подвел черту вместо своего шефа Кадашкин, привычным движением пригладив непослушные жесткие темные волосы, которые постоянно выглядели растрепанными, – таким образом, вы полу-

чаете возможность обновить и расширить парк оборудования, выйти на новые объемы производства и большую номенклатуру продукции. Со своей стороны я добавлю, что руководство области готово поддержать данный инвестиционный проект пакетом госзаказа. По представленным потенциальным инвестором расчетам видно, что себестоимость продукции на выходе довольно низка. Самая низкая в нашей области.

– А не кажется вам, – перебил сочный баритон Борисова речь юриста, – что меня следовало бы заранее познакомить с предложением, если вы строите на нем определенный расчет и районный бюджет. Я не видел расчетов инвестора и не могу судить, насколько они оправданны. Возможно, на уровне области они выглядят и привлекательно, но глупо было бы мне при моих объемах производства замыкаться в рамках одной области. А что касается названного вами холдинга, то эту структуру я знаю прекрасно и давно. Международным его можно назвать с большими натяжками. Это во-первых. Во-вторых, холдинг не имеет сельскохозяйственного профиля. Он вообще не имеет никакого профиля – это профессиональные посредники, фактически финансовая группа. Каковы объемы и сроки возврата инвестиций по их расчетам?

– Вообще-то речь не идет о возврате, – осторожно ответил Кадашкин. – Суть предложения состоит в том, что холдинг предлагает инвестиции в основные средства. Так сказать, доленое участие. А сумма...

И тут глава юридического департамента назвал сумму. Борисов почти с ненавистью посмотрел на узкое остроносое лицо главы юридического управления, на вальяжного грузного Остапенко, который с сосредоточенным видом переключал какие-то бумаги на столе. Это была уже не первая попытка влезть в бизнес Борисова. Объемы, которые предлагали инвестировать в его производство, сделают его самого мелким дольщиком. И Борисов тут же озвучил эту мысль.

– Да что вы все, Андрей Иванович, подвох-то во всем видите! – небрежно и с укоризненными интонациями старшего товарища вставил Остапенко. – Никто вас не собирается грабить. Вы останетесь при своей прибыли, а может, еще и при большей. Общие объемы-то, как я понял, значительно увеличатся.

– А вы представьте себе, что я принял решение, – усмехнулся Борисов, – а новый совет директоров принимает решение на ближайшие пять лет направить прибыль на расширение производства и не выплачивать дивиденды дольщикам. Меня жена кормить будет?

– Да бросьте вы приbedняться. У вас зарплата, как у всего моего аппарата, вместе взятого.

– Да-а! – усмехнулся Борисов, сдержавшись, чтобы не дать совет не считать чужие деньги. – А кто мешает совету директоров уволить меня?

– Извините, по законодательству... – начал было пояснять Кадашкин.

– Знаю я законодательство! – резко перебил Борисов. – Это делается элементарно: проводится решение о целесообразности назначения нового руководителя для большей эффективности в условиях реализации новой инвестиционной программы. Меня ваше предложение не устраивает. Прошу прощения.

С этими словами Борисов рывком поднялся из кресла, кивнул присутствующим и направился к двери. Он уже дошел до лифта в середине длинного коридора, когда сзади слышались торопливые шаги.

– Андрей Иванович, позвольте на секундочку!

Борисов повернулся к обратившемуся к нему Кадашкину.

– Андрей Иванович, я хотел вам еще кое-что сказать! Так сказать, наедине и неофициально. Давайте отойдем.

Борисов позволил отвести себя за локоть чуть в сторону, к небольшому холлу напротив лифтов. Сегодня ему все не нравилось, все было как-то не так, поэтому он решил выслушать юриста, в надежде все-таки понять, что вокруг него происходит.

– Вы слишком поспешили с выводами, Андрей Иванович, – сдержанно начал говорить Кадашкин. – Все ведь понимают, что ваш бизнес без вас – ничто. Вы его подняли с самого нуля, выносили, выстрадали...

– А если без поэтических отступлений? – насмешливо предложил Борисов.

– А без поэтических, – тонкий крючкообразный нос Ка-

дашкина хищно заострился, – без поэтических я бы сказал вам следующее. Прислушайтесь к предложению областного правительства. Ваша слишком откровенная позиция независимости кое-кого злит в этом здании...

– Могу перестать сюда приходить.

– Вы все шутите, а дело-то серьезное. На вас делаются большие ставки, вы можете получить огромные блага от сотрудничества с властью. Вы просто нарываетесь на то, чтобы остаться без поддержки.

– Знаете что, Сергей Сергеевич! – сказал Борисов, которому этот разговор наскучил. – Я давно уже вижу, что кое-кто хочет войти ко мне в долю, не ударив палец о палец. И с какой стати я должен идти навстречу в вопросах, которые мне невыгодны? Руководите с умом областью и районом! Ресурсов море, потенциал производства, что промышленного, что сельскохозяйственного, огромный. Так что вам мешает? Как плохому танцору, что ли?

Борисов воспользовался тем, что открылись створки ближайшего лифта, выпустив в холл двух дам самого что ни на есть чиновничьего вида, кивнул Кадашкину и вошел в кабину. Бизнесмен не видел, каким взглядом его проводил руководитель юридического управления.

Уже на улице, на ярко освещенной фонарями парковке возле здания администрации, Борисов сбросил маску угрюмой задумчивости и решительно полез в карман за мобильным телефоном.

– Слушай меня внимательно, Лукин, – сказал он в трубку. – Я сейчас еду к нам в хозяйство, у меня там завтра с утра проектировщики будут, а ты задержись в городе. У Лены в нашем городском офисе возьми папку, черная такая, «Актуализация» называется. Подними все предложения, которые поступали в наш адрес за последние полгода, сделай мне небольшой сводный анализ. Самое главное, установи, кто учредители этих фирм. Подключи службу безопасности.

Дела продержали Борисова в городе почти до самого вечера. И только около шести часов, недовольный и раздраженный навалившимися проблемами, он велел водителю Николаю везти его в хозяйство.

Черный тяжелый «Бентли» сбросил скорость и свернул с трассы на узкую дорогу со стареньким асфальтом. Она тянулась через поля между лесополосами, мимо прудов, заросших по берегам густым ивняком. Машин здесь всегда было мало, потому что дорога вела к двум деревням и к хозяйству самого Борисова.

Бизнесмен с досадой подумал, что он по своей инициативе включил в план расходов на ближайшие три года восстановление этого заброшенного властями шоссе. А ведь здесь не только его машины ездят, тут и деревенские ездят на своих мотоциклах и стареньких «жигулятах», и рейсовый автобус ходит. И никому нет до этого разбитого асфальта дела. Это ли не помощь с его стороны власти? «Болтуны и бездельники, – подумал Борисов со злостью, – а еще дилетанты,

которые взялись руководить».

И в этот момент машину рывком потянуло вправо. Александр буркнул какое-то ругательство, но вовремя спохватился – шеф терпеть не мог матерщины. Прижав машину к обочине, водитель открыл дверцу и вылез из кабины. Борисов вздохнул и решил, что и ему не грех вылезти под звезды в прохладу позднего вечера и размяться, пока Александр разбирается с колесом...

– Эх... вот это... – послышался из темноты голос водителя.

Борисов подошел и в свете фонарика мобильного телефона увидел пробойну в крышке. Сначала он подумал, что колесо лопнуло из-за бокового пробоя, который они получили где-нибудь в городе на рельсах. Но дырка имела удивительно круглую форму. Сомнения бизнесмена не имели дальнейшего развития. В тиши, нарушаемой только легким шелестом листвы придорожного вяза, вдруг раздался хлопок. Борисов вскинул голову в сторону источника звука и тут же понял, что его водитель как-то странно захрипел и стал валиться на асфальт. И тут же самому бизнесмену грудь будто разорвало огнем. Один раз, второй...

Анна Борисова сама родить не могла. И она, и муж это знали и сознательно пошли на риск. В конце концов, кесарево сечение ничем не отличается от обычной операции, но зато у них будет ребенок. Сейчас она лежала в третьем город-

ском роддоме на сохранении. Андрей платил врачам немалые деньги, не считаясь ни с чем, лишь бы беременность протекала нормально. Жаль, не успели чиновники достроить и сдать новейший перинатальный центр, но этого события ждать можно было еще не один год.

Анна вдруг проснулась как от толчка, как будто ее подбросило пружиной. Рука тут же машинально схватилась за круглый живот. Нет, не ребенок, материнское чутье подсказало, что с ним все в порядке. А ужас уже давил и давил на голову, будто накрывал вязким липким одеялом. От этого ужаса некуда было деваться, он обволакивал, давил. И Анна истошно закричала, потому что другого способа избавиться от ужаса не было.

Первой в палату вбежала дежурная сестра. Она увидела, что беременная женщина бьется в судорогах на постели, что подушка валяется на полу, одеяло сползло.

– Анна Ильинична! – медсестра бросилась к женщине, пытаясь прижать ее к кровати. – Господи, да что же с вами! Успокойтесь, все хорошо!

– Беда... – стонала Борисова, корчась как от физических мучений, – беда... с ним что-то случилось, как вы не понимаете!

– С ребенком все в порядке, успокойтесь, – не понимая, в чем дело, убеждала медсестра, – вас недавно обследовали, и причин для волнений нет.

Эта борьба продолжалась почти минуту. Медсестра поня-

ла, что не в состоянии самостоятельно справиться с охватившей пациентку непонятной истерикой. Она бросилась вон из палаты, призывая на помощь. Из соседних палат стали выходить другие пациентки, со страхом прислушиваясь к шуму в VIP-палате. Из ординаторской уже бежали врачи, и кто-то на ходу отдавал распоряжения подготовить инъекцию успокаивающего.

В палате у Борисовой все увидели ужасающую картину. Пациентка лежала на полу с рассеченной от падения бровью, из ее рта вырывались безумные крики, глаза бессмысленно вращались, а руки то шарили по сторонам, как будто в поисках опоры, то хватались за живот, как будто хотели защитить ребенка.

– Беда! С ним случилась беда! Да помогите же кто-нибудь! – стонала женщина и билась в судорогах.

Руки медиков слаженно и привычно подхватили быющееся тело и снова положили на кровать. Кто-то уже протискивался с готовым шприцем, слышались успокаивающие голоса. Наконец Борисова ослабла. Она не переставала просить помощи, умоляюще заглядывая в глаза медикам, которые прижимали ее к постели, не давая биться и напрягать живот. Она умоляла, но конечности уже переставали ее слушаться, вялость растекалась страшной вязкой волной по телу. Не переставало биться и трепыхаться только сердце в груди и страшная мысль, что с ее мужем приключилась беда.

– Ну, все, я думаю, что ее можно оставить, – услышался

за спиной тихий, но властный голос заведующего отделением. – Идите, идите, а я с Анной Ильиничной побеседую. Хорошо, Анна Ильинична?

– Умоляю вас, позвоните мужу, – шептали непослушные губы женщины. – Вы ведь забрали у меня телефон, я не могу позвонить сама...

– Конечно, голубушка, я же вам рассказывал, что работающие мобильные телефоны в этом крыле сбивают тонкую настройку медицинской аппаратуры, – голос врача звучал мягко и укоризненно. Он сел на край постели пациентки и взял ее руку в свою теплую мягкую ладонь. Его глаза смотрели ласково сквозь чуть затемненные стекла очков. – Я вас успокою, голубушка. Андрей Иванович только-только звонил мне и спрашивался о вашем здоровье. И я сказал ему, что вы пайныка. А выходит, что я вашего супруга обманул! Вон вы тут чего устроили. Как не стыдно, Анна Ильинична, голубушка.

– Он правда только что звонил? С ним все в порядке?

– Конечно же, все в полном порядке. Я больше вам скажу, Андрей Иванович обещал завтра утречком вас навестить. У него срочное дело утром в городе, вот он к вам и заскочит самолично выразить почтение. У нас, конечно, посещение родственниками определено с пяти вечера. Но я думаю, что мы сделаем для вас исключение? Ведь правда?

– Да-да, конечно! Вы так добры ко мне. Вы сделаете исключение? – пальцы Борисовой вцепились в халат врача. –

Это очень важно для меня – увидеть мужа.

– Если я обещал, то непременно сделаю, – уверенно заявил врач и полез в карман халата. – А сейчас вам нужно обязательно поспать. Не столько из-за вас, сколько из-за маленького, который сейчас в вашем животе. Вы ему доставили массу неприятных минут, так нельзя, голубушка.

– Я обязательно посплю...

– Давайте-ка я вам сделаю еще один укольчик. Вы уснете, у вас будет исключительно крепкий и здоровый сон.

– Укол? Зачем же... я ведь обещала, что больше не буду...

– Ну-ну, не надо капризничать, Анна Ильинична. Я ведь врач, и мне видней, что требуется для улучшения вашего состояния.

Он уверенно закатал рукав ночной рубашки пациентки, постучал ногтем по шприцу, сгоняя пузырьки воздуха. Борисова смотрела на шприц со страхом. От этого взгляда заведующего отделением передернуло, но он вспомнил свое обещание, вспомнил, что обещали ему.

Врач ушел, потушив свет и тихо прикрыв за собой дверь палаты. Анна Ильинична Борисова лежала откинувшись на подушку и смотрела невидящим взглядом куда-то сквозь стену. Странная пустота стала заполнять ее, сердце стукнуло раз, другой и вдруг дало сбой. Этот короткий миг, когда вместо очередного такого привычного биения сердца вдруг ощутилась пугающая тишина, захватившая дух, сразу вернул страх, животный ужас. Страшно, когда не ощущаешь стука

сердца, и на миг мелькает мысль, что следующего удара сердца не последует. Но оно застучало снова, но это успокоения Борисовой не принесло. Она знала, что сейчас умрет. А с ней умрет так и не родившийся ребенок. И что с мужем тоже случилась беда, просто ей никто не хочет об этом сказать. И все, на свете не останется никого... Одинокая слеза медленно скатилась по щеке. Она еще бежала, оставляя влажную дорожку, скатилась на подушку и, впитавшись в ткань, оставила маленькое влажное пятнышко, а женщина была уже мертва.

В своем кабинете заведующий отделением дрожащими руками сдирал с себя белый халат. Содрал, бросил на диван, но потом испуганно схватил снова и стал шарить по карманам. Вот он! Он аккуратно завернул пустой шприц в носовой платок и положил во внутренний карман пиджака. На глаза попался мобильный телефон, и это напомнило о том, что нужно обязательно позвонить.

– Але? Это я! Нет-нет, все в порядке, просто я немного... нервничаю. Да, я все сделал... как обещал...

Старший следователь прокуратуры Иван Трофимович Пугачев сидел в своем кабинете, положив бледные веснушчатые руки на стол, и, глядя на них угрюмо, вспоминал свою жизнь. Когда-то он помнил вот эти самые руки сильными, с розовой кожей и вздувшимися венами. В молодости с этих ладоней не сходили трудовые мозоли. И в квартире и на даче

он всегда все делал сам. Но это в молодости, тогда он полагал, что в жизни нужно все делать основательно и самому, и от работы нужно получать удовольствие, иначе такая работа никому не нужна. И человек, работающий без души, тоже никому не нужен.

Да, тогда он так полагал. А потом он стал считать, что работа должна приносить не только моральное удовлетворение. И когда же это случилось, что это был за момент, который Иван Трофимович пропустил? Пожалуй, это был не момент, а полоса удач, когда он шел вверх, когда у него все получалось, когда его хвалили, ставили в пример и пророчили карьерный рост и светлое будущее.

До пенсии осталось два года, а он все еще старший следователь. И ведь не потому, что его перестало ценить начальство, а потому, что ему так было удобнее. Зачем большие посты, зачем большая ответственность, которая достается вместе с этими постами. Лучше быть пониже, но незаменимым, ценным, очень нужным. Вот тогда не тебе надо будет выдумывать, как поощрить ценного работника, какими еще благами его осыпать, чтобы он все время держался при тебе. Нет, об этом пусть думает начальство, пусть оно голову ломает, пусть оно скрывает нарушения, потому что без нарушений, хоть самых маленьких, а все равно не поощришь так, как хочется.

Да, усмехнулся Пугачев, удобно я прожил жизнь. Очень точная формулировка – «удобно»! Я хорошо, очень хорошо

делал то, что мне приказывали, я не думал о том, что за этими приказами стоит. И я получал премии по итогам, премии к праздникам, я получал бесплатные путевки в такие санатории и ведомственные дома отдыха, куда не всякие генералы и секретари райкомов партии попадали. И дачный участок у меня в элитном районе, который перестал уже быть дачным, а давно стал коттеджным. Соответственно, и дачный домик превратился в приличный коттедж. И квартира у меня в элитном доме улучшенной планировки, там, где живет и сам прокурор. Это показатель! Сразу видно, чей человек Пугачев.

«Что это, – хмуро думал Иван Трофимович, – совесть стала просыпаться? Поздновато. Уязвленное самолюбие? Это уж совсем поздно. Глаза открылись на все то, что творится в районе? Так ты и раньше все это знал, видел и понимал. Нет, не так. Делал вид, что не понимал, отключал здравый смысл. А теперь вот к старости захотелось уважения к самому себе, а ему, этому уважению, и опереться не на что».

Старший следователь прокуратуры Иван Трофимович Пугачев прекрасно был осведомлен о криминогенной обстановке в районе. И не по тем цифрам, которые попадали в официальную статистику, а истинным. И все эти годы делал вид, что это его не касается. Сейчас он вспомнил, и ему стало страшно. Меньше чем за десять лет в районе было изнасиловано 220 девушек. Это только те, кто подал заявление. А ведь часть из них потом забрали свои заявления. А сколь-

ко грабежей, нападений, нанесения тяжких телесных повреждений? Все эти дела были закрыты.

А еще сотни пропавших без вести. Можно, конечно, сослаться на близость Северного Кавказа, клеймить нехорошими словами чеченцев, которые воруют честных граждан, увозят к себе для рабского использования их труда. Такое тоже бывало. Иногда. Но это всегда были работяги, бомжи. А тут идет речь об исчезновении предпринимателей, других достойных людей и их родственников.

Кстати вспомнилось о рабском труде! А ведь есть в районе некая фирма-сельхозпроизводитель «Агро-Нова», которая оскандалилась в начале этого года, предоставив подложные сведения и получив из федерального и краевого бюджетов субсидии на сумму свыше 15 миллионов рублей. Не с этой ли фирмой пару лет назад было связано дело об использовании якобы рабского труда на своих землях? Не раз поступала такая информация. И как-то милиция выезжала на место с проверкой и вроде бы кого-то освободила, но уголовного дела так никто и не возбуждал.

Но это все мелочи. А взрыв гранаты во дворе главы районной избирательной комиссии в 2001 году, а убийство главы администрации Романовского района Василия Запорожца в 2002 году... Дела-то все нераскрытые, и никто их раскрывать не собирается. Это Пугачев знает совершенно точно. Из этой же категории закрытое дело о вымогательстве у гражданина Бондаренко 10 тысяч долларов 2009 года, о рас-

стреле отца и сына Богатыревых в сентябре 2003 года, нераскрытое зверское убийство Анатолия Смольянинова в ноябре 2008 года. Все ты знаешь, старый хрыч, все понимаешь. Ты даже можешь назвать мировых судей Данилова и Маняхина, которые откровенно злоупотребляют тем, что отказывают гражданам в приеме заявлений.

– Разрешите, Иван Трофимович? – без стука в кабинет вошел молодой следователь Володя Черемисов. – Результаты экспертизы получили.

– А? А, результаты. – Пугачев посмотрел на своего помощника мутными глазами, с трудом выходя из состояния глубокой задумчивости. – Да, давай. Что там эксперты накопили?

С Володей Черемисовым Пугачев работал вместе уже больше трех лет. Этот серьезный дотошный парень ему нравился, он сразу оценил знания молодого следователя, аккуратность, вдумчивость, аналитический ум. Черемисов стал ему хорошим помощником, многое ловил на лету, многому быстро научился, многое перенял.

А еще он был очень дисциплинирован и исполнительен. Пугачев только сейчас подумал, что эти качества он все эти годы ценил в Черемисове больше других. «Вот и еще один показатель того, что я старался прожить жизнь удобно, – с горечью подумал Иван Трофимович. – Послушный мне нравился помощник, вот что было удобно, а не то, что он умный».

– Найденная в стороне пуля соответствует тому же оружию, – начал докладывать Володя, – из которого были убиты Борисов и его водитель. Но есть и сюрприз, Иван Трофимович!

– Да? Какой?

– На пуле удалось обнаружить частички каучукового состава материала, из которого изготавливают автомобильные шины. Сейчас в лаборатории пытаются определить по составу материала производителя, но я уверен, что это материал шин автомобиля Борисова. Ему просто прострелили колесо, чтобы остановить в нужном месте.

– И что тебе дает эта информация? – поморщился Пугачев. – Толку от нее...

– Она подтверждает непричастность Величко.

Пугачев внутренне чертыхнулся и почувствовал, что краснеет от стыда. Он не подумал о старике стороже. Он давно уже отучился думать о простых людях, вообще о тех людях, о которых можно было не думать. Александр Васильевич Величко, которого на ферме звали просто Василичем, был ночным сторожем. Иногда он подряжался в промежутке между сменами на починку чего-нибудь, по другим хозяйственным делам. И ездил он на ферму из дома на велосипеде. Самого Василича и его велосипед нашли неподалеку в пруду. Сразу сложилась версия, что Величко подговорили остановить машину своего шефа, а потом убили как свидетеля. Теперь старик вроде бы оказывался непричастен к убийству

Борисова.

– Значит, ты считаешь, Володя, что его утопили потому, что он видел, как убивают Борисова?

– Уверен. Или как убивают, или как готовятся.

– Других причин смерти Величко, кроме утопления, не определили?

– Нет. Еще, Иван Трофимович, я подготовил информацию для рассылки по подразделениям внутренних дел. Судя по тому что машина с пробитым колесом с места не двигалась, ее могли увезти на эвакуаторе. Ночью эвакуатор с машиной в кузове – вещь заметная. Могли видеть.

– Могли просто поставить запаску и угнать «Бентли» своим ходом, – возразил Пугачев, постепенно начиная мыслить привычно и освобождаясь от недавних угрюмых размышлений.

– Могли, – с готовностью согласился Черемисов. – На этот счет я тоже подготовил запросы для рассылки. «Бентли» тоже вещь заметная, могли на постах увидеть и запомнить. Я вот чего не понимаю, Иван Трофимович. На кой черт им было угонять машину? Явно же заказное убийство, явно целью был сам Борисов, потому что водителя убили как свидетеля. Зачем связываться с угоном машины? Понятно, что, разобрав ее на запчасти, они выгадают приличную сумму от продажи, но это же улики. Что-то я не представляю себе профессионального киллера, который крадет вещи своей жертвы из жадности.

«Я тоже не представляю, – подумал Пугачев. – И мысль, что это не киллер, а местная распоясавшаяся шпана, которую кто-то тут содержит, пришла мне в голову давно. Это лишний раз подтверждает, что Борисов был неугоден кому-то из местных. Что кому-то нужны деньги Борисова, его бизнес. А убивали просто бандиты, а никакой не профессионал-киллер. Я это понял, но мыслишку эту оставил про запас. Что-то мне подсказывает, что делиться ею нельзя ни с кем и что подтверждение не заставит себя долго ждать».

Внутренний телефон на столе Пугачева издал призывную трель, и оба следователя посмотрели на него с неудовольствием. В начале рабочего дня этот звонок мог означать только вызов к руководству. А таких вызовов никто никогда не любил.

– Слушаю, Пугачев! – пробурчал в трубку Иван Трофимович. – Что-о? А ты... ну да, конечно. Молодец. Спасибо.

– Что-то случилось? – насторожился Черемисов.

– Н-н-да-а, – неопределенно ответил Пугачев, барабанил по столу пальцами и глядя в окно. После продолжительной паузы он закончил свою мысль, но уже в ином контексте. – Вот ведь как бывает, Володя! Пришла беда – отвори ворота. Борисова убили, а его жена этой ночью скончалась в больнице. Она на сохранении лежала, вечером приступ истерики странный был, а ночью... вроде сердце остановилось. У нее проблемы со здоровьем были, долго не решались они детей рожать. Вот и решились. Ни родителей, ни детей.

Глава 2

– Белов! – заорал Игнатъев в сторону коридора, перегнувшись через стол.

Потный и до крайности пыльный Паша Астахов, оперуполномоченный уголовного розыска, поморщился от зычного голоса начальника ОВД, но промолчал. В этом был весь майор Игнатъев: большой, грубовато бесцеремонный, прямолинейный, но справедливый. Таким, как Игнатъев, подчиненные прощали многое, потому что в глубине души считали их настоящими мужиками. Особенно если начальник был профессионалом, а не карьеристом, трясущимся за безопасность собственного зада.

В Павловском отделе внутренних дел их было всего двадцать с небольшим человек. Оперативники, участковые и другие, положенные по штату службы. До райцентра тридцать восемь километров, обслуживаемая территория включает не один десяток мелких населенных пунктов. И майор Игнатъев отвечал тут за все. И за профилактику, и за раскрытие преступлений, за качественное дознание. Да мало ли за что.

Вот и сейчас перед ним сидел Астахов, который принес ценнейшую информацию. Добывали они ее не один месяц, нервов начальство из Управления попортило всем и каждому основательно. Но наконец удалось выйти на канал тран-

зита наркотиков через подведомственную территорию. Если бы дурь распространяли на участке, обслуживаемом Павловским ОВД, то накрыть наркодельцов было бы проще. Всегда можно проследить цепочку от какого-нибудь наркомана до продавца, а от того – к более крупному посреднику, а уж от того – к поставщику. Но в селах и аулах жил иной контингент граждан. Это в городах молодежи средство для расслабления требуется. А тут и молодежи-то кот наплакал, она в города уезжает. А те, кто остались, – либо старики, либо мужики и бабы, работающие в сельском хозяйстве. Это не потребитель.

Хотя Игнатьев не считал себя ответственным за то, что чисто географически канал поставки наркотиков пролег через его территорию, но считал своим долгом в лепешку расшибиться, но перекрыть его. Примерно так он и ставил вопрос перед оперативниками. И вот Пашка привез-таки агентурную информацию. Где он пропадал неделю, в какое дерьмо залезал, только гадать приходится, но привез. И сидел теперь перед майором довольный. И даже старший опер Сашка Белов, который отвечал за оперативную работу в отделе, не стал его слушать, а сразу отправил с докладом к майору. Дело предстояло такое, что привлечь придется много сил и средств.

– Белов! – снова заорал Игнатьев в сторону коридора. – Уснул, что ли?

– Да здесь я, – послышался голос, и в дверях появился

крупный светловолосый парень в рубашке навывуск.

– Я долго звать буду? – проворчал Игнатъев.

– Зосима Иванович, – улыбнулся Белов. – Так у меня же люди в кабинете, документы на столе. Пока убрал, пока сейф запер, пока извинился, между прочим, и попросил подождать.

– Ладно, ладно, – примирительно сказал Игнатъев, явно уловивший специально вставленную часть фразы «извинился, между прочим». – Ты в курсе?

– Естественно. Я Пашку послал вам доложить, пока я там закругляюсь с делами. Надо брать, и своими силами. Если Управление подключим, то через день все забудут, что это мы расстарались канал перекрыть. Не люблю, когда заслуженные поощрения мимо нас проходят.

– Ладно, поощрения пока подождут. Значит, ты говоришь, Павел, что они партию повезут на двух машинах, чтобы в дороге не перекладывать?

– Совершенно верно, – кивнул Астахов. – Товар из Чечни. На развилке они разойдутся: одна машина уйдет в Прохладный, а вторая через Павловское на Кисловодск. Между прочим, никто не отреагировал, что там, в основной партии, еще и оружие будет.

– Отреагировали, молодец, – ответил Игнатъев. – Так... времени у нас с вами кот наплакал.

– Обычно вы говорите «птичка написала», – не удержался от комментария Астахов, слывший самым большим шутни-

ком и весельчаком в отделе.

– Н-да, птичка, – отозвался майор, задумчиво глянув будто сквозь оперативника. – Значит, так, ты, Саша, готовь своих ребят, прикинь план операции.

– На развилке? – насторожился Белов. – Обе машины хотите взять?

– Нет, обе мы брать не будем. Во-первых, не наша территория, и я должен поставить Управление в известность. Они обязательно кинут своих людей, и смысла там рисоваться нам не будет. Сообщу, и пусть сами разруливают. Не сообщить я права не имею, а самовольничать...

– Это точно, – вздохнул Белов, – с нашим районным начальством только начни бодаться. Хотя победителей не судят! А может, рискнем, а потом скажем, что времени предупредить не было? Ох, уйдет информация из Управления, ох, уйдет!

– А оно нам нужно? – шевельнул плечами Астахов. – Да пусть подавятся своей долей славы. Мне, например, не жалко. Оно, знаете ли, как говорит Зосима Иванович, чем дальше в лес, тем своя рубашка ближе к телу.

– Свои трусы ближе к заднице! – рявкнул Игнатъев. – Рассуждают они тут. Мне эту задницу и подставлять придется, если что! – Майор помолчал с минуту, потом уже тише добавил: – Сам знаю, что может уйти. Сообщу, но попозже вечером. Перед вечерней планеркой, чтобы все на местах были, и дежурный в эфир по рации не орал.

– Информация у них другим путем уходит, – усмехнулся Белов.

– Знаю, – скривился Игнатъев и сплюнул.

Отправив оперативников готовиться к операции, Игнатъев еще долго расхаживал по кабинету, засунув руки в карманы и угрюмо глядя себе под ноги. Он понимал, что, не сообщив об имеющейся оперативной информации, он почти ничем не рискует. Возьмут они одну машину, которая пойдет через них на Кисловодск, и доказывай потом, что они тут знали, а чего не знали. Но у майора были свои собственные представления о чести и служебном долге. Знать и не сообщить – это не только нарушение долга, но и подлость по отношению к своим коллегам, которые служат в РУВД.

Но это было не самое неприятное в мыслях Игнатъева. Самым неприятным было другое. Сообщив о транзите наркотиков в последний момент, он ставил оперативников из Управления в сложное положение. У них не останется времени на подготовку, делать придется все на скорую руку, а это может привести к человеческим жертвам. На такое Игнатъев пойти не мог. Он выругался самыми грязными словами, которые только знал, и взялся за телефон. Если сообщать, то сейчас и только самому начальнику РУВД. В крайнем случае его заместителю по оперативной работе.

Оперативникам майор о своем звонке ничего говорить не стал. Это его дело, его груз. Хорошо, что в ночной темноте не видно глаз. И когда в два часа ночи уже на месте засады

Белов спросил его о звонке в Управление, Игнатъев коротко ответил, что позвонил, и сразу перешел к вопросу операции.

Всего было решено задействовать для операции перехвата шестерых оперативников, включая самого Белова, и три машины. В одну полицейскую «девяносто девятую» с проблесковыми маячками на крыше он посадил двоих оперов, одетых в специальные костюмы ГИБДД с полосками светоотражающей ткани и оранжевые жилеты. Они должны были изображать патруль ДПС и сделать все для того, чтобы машина с преступниками остановилась. Вторая машина без опознавательных знаков полиции поможет перекрыть шоссе. И третья машина, за рулем которой сидел сам Сашка Белов, признанный лучший водитель отдела, перекроет обратный путь преступникам, если им удастся развернуться.

Обе машины, которые должны блокировать путь, Игнатъев убрал с шоссе и загнал в лесополосу. Преступники могли издали увидеть их на обочине в свете фар и просто изменить маршрут. Из этих же соображений Белов с одним из своих оперов в третьей машине курсировали сейчас в районе развилки дороги Прохладный – Кисловодск. Зная марку машины и ее номер, они должны будут предупредить группу захвата о том, что преступники движутся в их сторону. А затем принять меры, чтобы последние не смогли удрать в обратном направлении. Если преступники каким-то чудом что-то пронюхают и поменяют машины, у Белова имелись еще кое-какие приметы в запасе, чтобы опознать их.

– Каштан, я Двойка, – послышался в динамике рации голос Белова. – Я на КП. Объект прошел. Светло-серый «Фольксваген Бора», номер 234. Приметы совпадают.

– Двойка, направление? – нетерпеливо потребовал Игнатьев.

– К вам идут, – весело ответил оперативник, – к вам!

– Сколько человек в машине?

– Предположительно двое.

Белов отпустил машину преступников на расстояние около двухсот метров и тронулся следом. Трасса была пустынной, и он хорошо видел впереди себя красные фонари иномарки. Машины, в основном встречные, попались всего четыре раза, да и те были «КамАЗами» дальнобойщиков. Долго висеть на хвосте не стоило. При такой загруженности трассы преступники довольно быстро могут насторожиться, заметив, что какая-то машина держится от них на одном и том же расстоянии. И Белов неторопливо пошел на сближение.

Стрелка спидометра легла на цифру 110. «Фольксваген» четко держал 90, наверное, чтобы не привлекать внимания ГИБДД. Расстояние постепенно сокращалось. Когда Белов нагнал иномарку и собрался пойти на обгон, из-за поворота выскочил здоровенный трейлер. Пришлось снизить скорость и пристроиться за «Фольксвагеном». Сыщики воспользовались светом встречных фар, чтобы разглядеть что-нибудь в салоне машины преступников, но стекла впереди идущего автомобиля были сильно затонированы и ничего, кроме

смутных силуэтов, они не увидели.

– Бардак, – проворчал Белов, – пол-Кавказа проехали, а их никто за такие стекла не наказал.

– Все оплачено, – усмехнулся его напарник. – У нас на постах вопросы решаются быстро – под хруст банкнот.

Наконец удалось обогнать иномарку, и Белов надавил на педаль газа до конца. До места, где намечен захват, оставалось всего километров пятнадцать, а ему еще надо было незаметно для преступников уйти с дороги, притаиться, чтобы потом зайти сзади, когда их остановят.

Через несколько километров он достиг места, которое его устраивало. И поворот на пересеченной местности, за которым преступники не увидят его огней, и поворот к поселку Фрунзе, на который он в принципе мог уйти. За пышными кронами деревьев фар автомобиля все равно бы с трассы видно не было. Белов резко сбросил скорость и нажал на тормоз, машину понесло боком, но он вывернул руль и ловко съехал с дороги. Теперь заднюю скорость – и под мостик через овражек. Все, фары потушены, двигатель заглушен.

Через три минуты из-за поворота выскочил «Фольксваген». Мелькнули фары, и машина ушла за второй поворот. Белов прислушался, затем повернул ключ в замке зажигания. Теперь ему предстояло километров десять проехать без включенных фар. Причем на приличной скорости. «Хорошо еще, что ночь лунная», – подумал сыщик и надавил на педаль газа.

Игнатъев, получив сообщение, что минуты через три преступники будут на месте, с беспокойством смотрел на дорогу. Пересеченная местность не давала возможности увидеть машину заранее, а с перекрыванием проезжей части можно было и опоздать. Наконец за ближайшим холмом небо и кроны деревьев осветились на какое-то время, потом опять стало темно. Ясно, что машина идет с включенным дальним светом, пока нет встречных. Преодолеть последний спуск и последний подъем преступники могли за пару минут, а то и меньше. Времени не оставалось. Игнатъев отдал приказ, и в лесополосе заработали двигатели машин, не включая фар, они стали выползать к обочине. Первым вылезла на асфальт полицейская «девяносто девятая». И сразу же со склона ударили фары, осветив все вокруг.

Водитель «девяносто девятой» уже не ждал команд, а принял решение самостоятельно. И сделал он это вовремя. Когда смотришь на фару, то расстояние до встречной машины определить точно практически невозможно. И он вовремя включил габаритные огни своей машины и сине-белый маячок на крыше. Вторая машина выскочила на асфальт, хрустнув амортизаторами, и встала рядом с первой. Тут же раздался визг тормозов, и «Фольксваген» понесло боком на две перекрывшие ему дорогу машины.

– Выйти из машины, руки держать на виду! – рявкнул в мегафон Игнатъев. – Не делать резких движений, иначе будем стрелять на поражение!

Передние дворцы «Фольксвагена» медленно открылись.

– Всем выйти, руки на капот машины! – еще громче заорал майор.

Наконец показались две фигуры. Одна пониже, в темной короткой куртке, вторая повыше, в светлом костюме. Тот, что был в костюме, прикрыл глаза рукой и закричал капризным начальственным голосом:

– Что тут творится? Кто старший? На каком основании вы это делаете?

Трое оперативников, стоя на одном колене, держали на мушке автоматов машину, Игнатьев опустил на асфальт мегафон и решительно шагнул вперед.

Обыск машины и людей занял всего пару минут. Ни наркотиков, ни оружия в салоне и багажнике не нашли. Могли быть тайники, но это уже дело экспертов. А вот пассажир «Фольксвагена» в светлом костюме приготовил большой сюрприз.

– Вы не имеете права! – орал он с пеной у рта. – Вы что, читать не умеете? У вас в руках мое удостоверение депутата. Я пользуюсь депутатской неприкосновенностью! Я требую, чтобы меня тотчас же отпустили и освободили моего водителя с машиной. Вы ответите за это безобразие по закону!

Игнатьев рискнул задержать депутата на три часа, но потом все же, после безуспешных попыток допросить его, велел отпустить. Что бы там ему ни удалось потом доказать, но с этим типом он влип в неприятности. В восемь утра Белов

доложил, что в машине ничего противозаконного не обнаружено. Даже следов.

– Отпечатки пальцев с кузова и из салона все сняли?

– По максимуму, – кивнул сыщик.

– Выписывай постановление. Задержим его на трое суток.

Депутат уехал?

– С полчаса назад. Вышел и давай названивать по мобильнику. Думаю, что не только машину вызывал. Наверняка успел пожаловаться.

– Да и хрен с ним! – огрызнулся Игнатъев.

– Хрен-то с ним, – не очень весело улыбнулся Белов, – а вот какие шишки на нас теперь посыпятся... Между прочим, что он делал в этой машине, вот вопрос? По силе давления, которое на нас будут оказывать, мы сразу поймем, на каком уровне прошла утечка информации.

– Щас! – оскалил зубы Игнатъев. – Генерал тебе лично позвонит! Поручат мелкой сошке наизнанку нас вывернуть, вот и утрись.

Допросы Пугачев вел вяло. Большую часть поручал Черемисову, потому что не видел никакого положительного результата. Обязаны были допросить всю смену на ферме, вот и допрашивали. Сейчас перед ним сидела женщина лет пятидесяти, пышнотелая, румяная. Работала она на ферме завхозом, в хозяйстве с первого дня, но отвечала на вопросы скупо и неохотно. И уж совсем не к месту после каждого от-

вета прикладывала платочек к сухим глазам.

– Борисов предупреждал, что заедет на вашу ферму поздно вечером? – монотонно задавал вопросы Пугачев.

– Может, и предупреждал, – пожалала женщина округлыми плечами, – только заведующую. Мое-то дело маленькое, мое дело, чтобы халаты были у всех и чистые, инвентарь в исправности содержался, ремонтировался вовремя, на складе порядок был.

– Во сколько уехал с фермы Величко?

– Не знаю. Я уже домой ушла к тому времени, а Василич еще починкой занимался. Как закончил, так и уехал.

– В тот день он говорил что-нибудь о Борисове? Что с просьбой обратиться хочет или по иной причине упоминал Борисова?

– Да не было вроде таких разговоров...

Отвечала женщина охотно, но все ее ответы укладывались, если составить краткое резюме допроса, буквально в несколько фраз: «Ничего не знаю, ничего не видела, ничего не слышала». «Ну и хрен с вами, – недовольно подумал Пугачев, – не хотите, и не больно надо. Вам жить, вам на вашей совести все это останется. Если она у вас есть. – И тут же снова накатило на него это новое непонятно откуда выплывшее состояние. – У них совесть! А у меня самого совесть есть? Мне начальство почти открытым текстом намекнуло, что «глухарь» это чистейший. Что убийство совершенно по заказу, что доказательств не соберем, а сам киллер уже

за пару тысяч километров отсюда. И чтобы я не беспокоился, шепнули, что лишнее нераскрытое преступление никак не отразится на поощрениях в связи со скорым почетным уходом на пенсию. И вот я сижу и поплеываю. И Борисов для меня ничто, и заказчик для меня ничто. Сытая жизнь, достойная пенсия, а остальное ерунда».

Что-то шевельнулось глубоко в душе, раздражающее, нарушающее покой. А вот взять и назло всем раскрыть это убийство, припереть к стене тех, кто стоит за этим делом! Что, не ожидали? «Можно, – подумал Пугачев, отгоняя эту неудобную мысль, – только не прижмешь их. Вовремя почувствуют, что у меня доказательства есть, и вмешаются. А потом? Потом или дело отдадут другому, кому в голову дурные мысли не приходят, или мне оставят, но внушение сделают. А может, вот так же найдут под утро на улице с простреленной башкой, и другой следователь будет сидеть и мучиться. Мысль дурную будет отгонять, что вот возьмет и всем назло раскроет убийство, припрет к стене злодеев».

Следующей в списке людей, которых следовало допросить, у Пугачева стояла Оксана Селиванова. Местная девушка, работавшая в доме Борисовых поварихой. То, что бизнесмен, судя по всему, с удовольствием давал работу своим односельчанам, Пугачев уже понял. Понял он и то, что Борисова все его окружение побаивалось, но любило. Придирчив был, это точно. Однако если человек работал добросовестно, с полной самоотдачей, то средств на его поощрение

Борисов не жалел. Очень силен был командный дух, который смог поднять прирожденный лидер. Но вот нашелся кто-то, решивший все это сломать. Или под себя подмять, или конкурента раздавить.

Пугачев опять с раздражением попытался отогнать от себя мысли, которые не имели для него никакого значения. Начальство дало понять вполне определенно – дело пополнить всеми необходимыми составляющими, оформить в соответствии с существующими требованиями и ни о чем не беспокоиться. А он сидит тут и гипотезы строит!

Оксана была коренной и типичной казачкой. На вопросы отвечала бойко, эмоционально и все пыталась допытаться у самого следователя о том, кто же это посмел такое совершить, какие у него-то мысли на этот счет есть в голове.

– Слышала ли ты в доме разговоры, ну, скажем, с женой, по телефону, из которых поняла бы, что Борисову кто-то угрожал, что у него появились какие-то неразрешимые проблемы? – Пугачев специально ставил вопросы в такой форме, чтобы поменьше писать. Любой обыватель при такой постановке, когда фактически каждый вопрос содержит два или три других, запутается, пропустит что-то важное, включая и сам вопрос.

– Да и не говорил он в доме никогда о делах! – горячо заверила следователя Оксана и тут же, наклонившись к столу, спросила: – А что, Андрея Ивановича кто-то ограбить хотел, да?

– Пока следствием ничего еще не установлено, – попытался Пугачев отделаться дежурной фразой.

– Да чего устанавливать, когда половина станицы говорит, что это «черепановские»! Они тут себя хозяевами чувствуют, им все нипочем. Они чужих-то и не пустят. Ясное дело, что Андрей Иванович с ними чего-то не поделил.

– Вы это бросьте, Селиванова, – перешел Пугачев на официальный тон. – Не надо домыслами заниматься и слухи распускать. Следствие разберется.

– Да уж, разберется, – ехидно бросила Оксана. – Много это ваше следствие разобралось!

Пугачева эта сказанная без всякого умысла фраза кольнула в самое сердце. Ведь девка-то стгоряча брякнула, просто из жалости к погибшему хозяину. И что же это я такой чувствительный стал? В самом деле старею, что ли?

Роман Белозерцев лежал, блаженно раскинувшись на подушках своей новой роскошной двуспальной кровати. Сегодняшним поводом для того, чтобы затащить Наташку в постель, была именно эта кровать, которую он ее привез посмотреть. Высокая спинка из натурального дерева, тонкая резьба в викторианском стиле. Роман отвалил за это чудо тридцать восемь тысяч и ждал выполнения заказа почти два месяца.

Вообще-то это была игра, он понимал, но менять ничего не хотел. Игра его устраивала, она добавляла остроты ощу-

щений, новизны, каждый секс был как в первый раз. Когда Наталья Садовская появилась у Романа в офисе в качестве начальника коммерческого отдела, он сразу задался целью уложить ее в постель. Эта молодая двадцатичетырехлетняя женщина стала его сразу возбуждать. Упругое тело, затянутое в деловой костюм, пара расстегнутых пуговиц блузки, стройные, чуть полноватые в бедрах ноги в блестящих колготках. Когда она сидела, от ее бедер, наполовину прикрытых юбкой, Роман не мог оторвать взгляда. А уж если она сидела, а он стоял, то нежная кожа ее груди, которые виднелись в вырезе блузки, сводила его с ума так, что перехватывало горло.

И тем не менее впервые у них это случилось едва ли не год спустя после ее прихода на работу в фирму Белозерцева. Что-то такое было в Наталье Васильевне Садовской, что не позволяло сразу зажимать ее в кабинете или тискать во время медленного танца по пьянке на корпоративной вечеринке. Как-то в чисто мужском разговоре Роман охарактеризовал ее просто – она не девка, она баба еще та. В его понимании таких не хватают, а потом выгоняют, если они сопротивляются. Таких обхаживают и добиваются.

И он стал обхаживать Наталью, оказывать знаки внимания, демонстрировать свое особое отношение. Сначала он сделал ее своим заместителем по коммерческим вопросам. И даже обрадовался тому, что появилась у него такая возможность. Она оказалась толковым специалистом, хорошим

организатором. Быстро разобралась в проблемах его бизнеса и взвалила на себя львиную долю его работы.

А потом это случилось впервые. Новогодний корпоративный праздник, танцы, конкурсы, обилие шампанского. Затем Роман предложил Наташе подбросить ее до дома на машине, зашел на чашку вечернего чая. С удивлением и радостью узнал, что у Натальи Васильевны есть четырехлетний сын и что сейчас он ночует у бабушки. А потом Роман не выдержал. Он привлек ее к себе так, как это делал во время танца там, в арендованном кафе. Но только теперь его руки были смелее, губы сразу впились в ее шею.

Роман прижал девушку к себе, чувствуя всем телом ее тело. Ему было уже мало прижимать ее за талию, гладить спину, его пятерня спустилась ниже, провела по упругой ягодиче и сжала ее с силой и страстью. Наталья охнула и обмякла. Он тут же одурел, поняв, что она возбуждается, и со стоном принялся елозить мокрыми губами по ее шее и груди. Девушка тоже стонала и упиралась ладошками в его плечи. То отталкивая его, то привлекая к себе, Наталья горячо шептала ту чушь, которая вместо того, чтобы останавливать мужчину, наоборот, будила в нем животные инстинкты.

– Что вы делаете... не надо, прошу вас... перестаньте, я же с ума схожу... о, какие у вас руки... жадные... перестаньте, что вы... как мы завтра будем в глаза друг другу глядеть...

В попытке расстегнуть ее блузку Роман оторвал две пуговицы. Он буквально содрал с нее жакет и зарылся лицом в

нежные груди. Руки уже не слушались ни его, ни ее. Они уже тискали и мяли ее тело под блузкой, проникли под ее юбку, стаскивали вниз колготки. И тут же на кухонном столе он ею и овладел в первый раз.

И все закончилось очень странно. Она и не рассердилась, и не кинулась ему на шею, как это обычно делают женщины после первой близости. Наталья все повернула так, как будто случился досадный казус, о котором лучше не вспоминать. И Роман послушно ушел, что было не в его обыкновении. И следующий рабочий день он начал с того, что вызвал к себе Садовскую, запер дверь и кинулся с объятиями и поцелуями. И был ошарашен тем, что она смутилась, стала сопротивляться, почти подняла шум. Роман так и не понял, помнит ли Наталья, что было вчера после корпоратива, сожалеет ли об этом. В неведении он провел почти месяц, она упорно обращалась к нему на «вы» и по имени-отчеству.

И только спустя пару месяцев все повторилось примерно по той же схеме, что и в первый раз. И только спустя полгода Роман понял, что это игра, и он принял ее условия. А они были простыми. Он придумывал необычную ситуацию, при которой Наталья приглашала его к себе или заходила к нему домой. Или они оставались одни в офисе. И обязательно должны были раскрепоститься алкоголем (якобы это после алкоголя она становится такой неуправляемой). И обязательно Роман должен начать приставать неожиданно, чтобы она не отказала ему, и обязательно он должен начать с

известных ему (продемонстрированных ею для него) эрогенных зон. И она якобы теряла голову и отдавалась ему. Но обязательно она даже во время прелюдии и самого полового акта обращалась к шефу на «вы» и по имени-отчеству. Это добавляло особого шарма в их игру.

Правда, окончание этих игр постепенно изменилось. Она не убегала, стыдливо опустив глаза в духе «как вам не стыдно, что вы такое со мной сделали, воспользовавшись беспомощным состоянием девушки». Теперь оно было более степенным, хотя не обходилось без укоризненных взглядов в духе «ну вы даете, опять затащили меня в постель». И никаких обязательств, никаких обсуждений случившегося и будущего отношений. Каждый раз после секса Роман не был уверен, что близость состоится.

Наталья наконец перестала дышать тяжело, молча поднялась и набросила на плечи его халат. Роман усмехнулся, вспомнив, что примерно так же это выглядит и в ее квартире. Она тоже встает и накидывает халат. Кстати, при идеальном порядке в ее квартире, что делал ее халат на кресле возле ее кровати каждый раз, когда Роман должен был неожиданно к ней прийти?

Так же молча девушка подхватила свою сумочку и ушла в ванную. Роман еще некоторое время понежился без всяких мыслей, а потом они вернулись к телу Натальи. Все-таки интересно, что она по поводу всего этого думает? Жениться на ней Роман не собирался... вроде бы. А остальное у него и

так было. Другое дело, что не очень часто. Но если настоять и сделать секс с Натальей таким частым, как ему хочется, то можно разрушить очарование встреч и превратить обалденную эротическую игру в обыденный секс.

– Роман Павлович, я освободила ванную, – послышался голос Натальи. – Я сейчас кофе приготавливаю. Приходите потом на кухню.

Роман рывком встал с кровати. Так, халат на Наталье. Ладно, он натянул брюки прямо на голое тело, схватил рубашку и трусы и отправился в ванную. Попыток подойти, обнять и поцеловать женщину он уже давно не делал. Сейчас она шарахнется от него, как от насильника. Тоже элемент игры. Не поймешь этих женщин.

Глава 3

Неприятности не заставили себя ждать. Из секретариата Управления позвонили в восемь тридцать и передали приказ: в десять ноль-ноль быть у заместителя начальника РУВД по работе с личным составом. Игнатъев по одному этому понял, каким оружием его будут бить. Значит, нужно попытаться разобраться, подстраховаться и заручиться поддержкой начальника Управления. Ведь о планируемой операции он звонил лично ему и только потом уже подробности передал заму по оперативной работе.

В десять утра Игнатъев был уже у здания Управления. Сидя в своем «Логане», он безуспешно пытался дозвониться до начальника Управления. И в который раз майору отвечали, что начальник занят. Через час снова позвонили из секретариата, теперь уже на мобильный, и стали выяснять, почему Игнатъев не явился по вызову к Бубенцову. Пришлось оправдываться тем, что у Игнатъева проблемы с машиной и он торчит на трассе.

Стрелка часов перевалила через двенадцать, потом через три часа. А потом Игнатъеву сказали, что начальник Управления уехал. Выматерившись, майор стал пытаться связаться по телефону с заместителем по оперативной работе, но того не было на месте. Не оказалось в Управлении и начальника уголовного розыска. Игнатъев понял, что совершил глу-

пость, понадеявшись только на то, что встреча с начальником Управления все расставит по местам и обезопасит его. Другого выхода, кроме как явиться к Бубенцову, у него теперь уже не было.

– Разрешите? – стукнув пару раз для приличия в дверь, спросил Игнатъев и вошел в кабинет майора.

Игнатъев терпеть не мог Бубенцова. Его в этом человеке раздражало абсолютно все. Во-первых, Бубенцов был моложе Игнатъева лет на пятнадцать-двадцать, но имел то же звание. Это означало, что все предыдущие звания он получал четко в срок, без всяких заминок. Такое у людей в погонах бывает редко, особенно если ты рядовой работник «в поле», а не где-нибудь в отделе кадров. Всегда найдутся какие-то нарушения, недочеты, которые тормозят присвоение очередного звания на полгода, на год, на два. Это неизбежно, потому что давно известно, что не ошибается тот, кто ничего не делает. А управлять подразделением, заниматься оперативной работой и не допускать безобидных для пользы дела нарушений невозможно. Судя по всему, Бубенцов никогда не ошибался, что маловероятно, или ничего не делал, что более вероятно. А скорее всего, у него были высокие и сильные покровители, которые его и пристроили на это теплое местечко, а также курировали его продвижение по служебной лестнице и получение очередных званий.

Но это было еще не все. Бубенцов сам по себе был человеком неприятным. И внешне, и в манере общения. Длинный,

с покатыми плечами, отчего погоны на его плечах висели под углом вниз, с маленькой круглой головой и реденькими волосами, он совсем не выглядел бравым майором, а скорее карикатурой на человека в форме. Но недостатки внешности Бубенцов с лихвой компенсировал поведением, подчеркнутой важностью, демонстрацией своего начальственного превосходства. И говорил он монотонно, занудно, абсолютно не умел или не хотел слушать собеседника. И при этом очень часто, примерно два-три раза в минуту, Бубенцов облизывал губы. От этого возникало ощущение, что у майора они постоянно сохнут, а изо рта у него неприятно пахнет.

– Почему вы, товарищ майор, – с ходу стал выговаривать Бубенцов, – являетесь с опозданием в шесть часов к заместителю начальника Управления? Вам не кажется, что это вопиющее нарушение субординации и дисциплины. Мы с вами носим погоны и обязаны...

Слушая занудную тираду, Игнатьев постоял некоторое время, но, так и не дождавшись приглашения сесть, сел без приглашения. Фуражку он демонстративно положил на стол Бубенцова. Предстояло терпеливо вынести этот визит и по возможности не сорваться. Правда, неизвестно, что же послужило в самом деле причиной этого вызова.

Подгадав паузу в потоке слов Бубенцова, Игнатьев умудрился вставить первое оправдание:

– Я же сообщал, что у меня машина сломалась и я торчал на трассе.

– У таких, как вы, товарищ майор, – парировал Бубенцов, – всегда найдутся отговорки и оправдания.

– Ну так накажите меня за это опоздание, – начал горючиться Игнатьев, – раз это вопиющее нарушение. И давайте перейдем к делу, вы ведь меня ради чего-то вызывали. Не для того же, чтобы проверить скорость моего передвижения по дорогам?

– Вот именно! – стал наливаясь венозной кровью Бубенцов. – Ради дела! А вы цирк устраиваете из этого идиотского задержания, которое вы устроили со своими людьми сегодня ночью. Вы что, первый день в полиции работаете и впервые слышите о депутатской неприкосновенности? Какого черта вы его вообще задержали? Почему вы его столько времени не отпускали? Вы ясно, как мне доложили, видели его депутатское удостоверение. Неужели непонятно, что законы издаются...

– Вы мне слово дадите вставить? – от возмущения Игнатьев весь подался вперед и навис мощной грудью над столом. – Вы понимаете цену вопроса? Я ждал партию наркотиков и оружие, мы несколько месяцев бились, чтобы выйти на этот канал! Какого черта ваш депутат делал в машине преступников? На этот вопрос вы можете ответить?

– Groш цена вашей информации, откуда бы вы ее ни получили! Вы оскандалились на весь район, на область. Это же детский сад какой-то! Вы что, ребенок?

– Да кто вы такой, чтобы оценивать мою работу? – заорал

Игнатьев, но в последний момент сдержался, чтобы не грохнуть кулаком по столу. – Сидят тут в теплых кабинетах! Мои парни среди бандитов лазают...

Как и следовало ожидать, разговор быстро перешел в русло пристрастия Игнатьева к алкоголю как причине всех его бед. Тут же Бубенцов практически на память стал цитировать статистику показателей по отделу Игнатьева, которая отражала, как он полагал, во всех красках глубину падения Игнатьева как руководителя. Зная, что показатели его отдела не лучше, но и не хуже других подразделений, Игнатьев возмутился, но быть услышанным ему было уже не дано.

– Я сегодня же поставлю перед начальником Управления вопрос о снятии вас с должности и увольнении из органов.

– Да увольняй! – заорал Игнатьев, абсолютно потеряв над собой контроль. – Сидит тут пугает... Увольняй... Сам иди и работай там...

Выскочив из кабинета, Игнатьев так грохнул дверь, что на пол полетела штукатурка. Бешенство было практически бесконтрольным. Игнатьев считал, что его просто отдали на растерзание Бубенцову, и никто не захотел разбираться в ситуации. А ведь все о ней знали, все знали, как важно было перекрыть этот канал, потому что Управлению из-за него доставалось уже давно. И что теперь? Теперь виноватым сделали Игнатьева, а проблему так и не решили. И еще этот Бубенцов. Да пропадите вы все пропадом!

Встречаться с человеком Остапенко в офисе не стоило. Кто бы от него ни приезжал, Белозерцев всегда встречался либо на нейтральной территории, либо вообще в безлюдных местах. Светить связь с Остапенко Роман не хотел. Это официальная власть, это все на виду. И если каким-то чудом Остапенко зацепят за их делишки, то Белозерцев мгновенно всплывет в материалах дела. А так эту связь нужно еще доказать, ее нужно вообще еще найти.

Остапенко такая позиция Белозерцева не просто злила, она его бесила. Он считал, что это недоверие не ему лично, а чуть ли не неверие в законы природы. Остапенко считал себя непоколебимым, непотопляемым, недосыгаемым и тому подобное. Белозерцев в это верил, точнее понимал умом. Но еще он понимал, что Остапенко – это Остапенко, а он, Роман Белозерцев, в прошлом уголовник Рома Белый, – так и останется Ромой Белым. Разменной монетой в разборке больших дядей, в их борьбе за власть, за богатство. А что он? Посредник, куратор поставок дури в райцентр, человек, отвечающий за бесперебойную работу канала, который не он организовал. Хотя... Остапенко давно уже в эти вопросы глубоко не вдавался, даже лично уже не общался, а присылал своих людей. А он, Рома Белый, теперь генеральный директор и владелец крупной фирмы Роман Павлович Белозерцев, сам решает с оплатой, объемами, мелким оптом. Да практически все он теперь решает сам, только вот бабки успевает вовремя отстегивать.

Звонок на мобильный телефон застал Белозерцева в тот момент, когда он уже принял решение провести встречу с постоянными партнерами в сауне. Это были два самых крупных арендатора его складских помещений, люди из серьезного торгового и производственного бизнеса. На уровне района, конечно. Они всегда платили исправно за аренду, содержали помещения в образцовом порядке согласно условиям договора, но тут у арендаторов что-то не выгорело. И они попросили о встрече, причем в непринужденной обстановке, чтобы обсудить коммерческие отношения.

Текущие дела были для Белозерцева важнее, чем капризы боса в делах поставки наркоты. И он сказал, что встретится с человеком от Остапенко в сауне. Была у него своя секретная сауна для личных и коммерческих нужд на территории бывшего завода сельхозмашин.

Было уже начало восьмого вечера. Арендаторы посидели в парилке, окунулись в ледяную воду бассейна, снова отправились в парилку. Белозерцев собрался уже было присоединиться к ним, проверив, чтобы на стол все было накрыто как положено, как зашел его помощник по особым вопросам и телохранитель Петро.

– Там вас человек спрашивает, Роман Палыч, – заявил он, понизив голос. – Говорит, что вы его ждете.

– Твою ж мать! – разозлился Белозерцев. – Я его в шесть ждал, специально пораньше приехал! А он теперь заявился! Давай его в предбанник.

Немного подумав, Роман задержался около накрытого стола. Налив рюмку холодной водки, опрокинул ее, шумно выдохнул и, не закусывая, вышел.

– Я от шефа, – буркнул со странной неприязнью незнакомый мужчина, который стоял в помещении, называемом предбанником.

Фактически это был бильярдный зал с одним столом и небольшим баром. Его использовали, чтобы скоротать время, пока в сауне набиралась температура, если кто-то приходил слишком рано. Белозерцев в простыне уселся в плетеное кресло и закинул ногу на ногу.

– Не понял? – хмуро спросил он, покачивая шлепанцем, хотя все прекрасно понял. Очень Роману было неприятно при его положении считать кого-то шефом. – Подробнее.

Мужчина покосился на Петро. Телохранитель поймал этот взгляд и вопросительно посмотрел на Белозерцева.

– Ладно, выйди, – велел Роман.

– Естественно, я от Остапенко, – сквозь зубы процедил мужчина, когда Петро вышел.

– Да хоть от апостола Петра, – еще презрительнее ответил Роман. – Вовремя надо приходиться! Ты на часы глядел?

– Нечего мне на них глядеть, – ответил мужчина, – ты мне никто. Шеф недоволен и прислал меня тебе это сообщить. Срок прихода товара истек два дня назад, первые бабки ты должен был отдать вчера. Где бабки, Белый?

– Я те не Белый, – выдвинув челюсть и злобно вытаращив

глаза, прошипел Белозерцев. – Ты, шавка подзаборная! Ты на кого рот разеваешь? Тебя прислали напомнить, а ты, су-чок еловый, на меня наезжать вздумал?

На шум вбежал Петро и в недоумении остановился. Визитер продолжал стоять там, где и стоял. А Белозерцев, пунцовый от бешенства, стиснул подлокотники кресла и уже не шипел, а орал.

– Ты все сказал, козлина? Если я твою рожу еще раз увижу, хоть на улице, хоть издалека. Я тебя, падла, живьем в землю закопаю!

– Ты на меня не ори! – повысил голос мужчина. – Если тут кто и есть шавка, так это ты!

– Что-о-о? Вышвырни его отсюда, Петро, – захлебнулся от негодования Белозерцев. – Если еще появится, головой его засунешь в парашу! В собственное дерьмо!

Вскочив на ноги, Роман пнул кресло так, что оно отлетело в противоположный угол холла и, врезавшись в стену, разлетелось на три части. Следом за креслом улетел и шлепанец с ноги, но взбешенный Роман этого, кажется, не заметил. Он развернулся и ушел в сауну, грохнув дверью.

– Ты откуда такой наглый? – небрежно поинтересовался Петро. – Жить надоело, что ли?

Мужик повернулся, чтобы уйти, но на мгновение замер, смерив взглядом крепкую фигуру телохранителя. Петро недобро прищурился. Странный мужчина не выглядел очень уж крепким, сильным или имеющим специальную подготов-

ку. Таких Петро, сам служивший несколько лет назад в армейском спецназе, узнавал сразу.

– А тебе кто велел рот открывать? – холодно поинтересовался мужик, поворачиваясь к двери. – Я что-то от твоего хозяина такой команды не слышал.

– Слушай, ты! – еле сдерживаясь начал Петро.

– Это ты слушай! – заявил в ответ мужик, останавливаясь в дверном проеме. – Твоему хозяину, если и дальше ерепенишься будет, недолго барствовать осталось. А тебе при нем на прохожих гавкать. Подумай своей пустой головой.

Удар, который в бешенстве нанес Петро, мог переломать кости любому человеку и отправить его на тот свет. Но мужик оказался проворнее. Он не стал бросаться в сторону, пытаться этот удар блокировать. Он поступил умнее, бросившись в дверь, ведущую из предбанника в общий коридор. Небольшое препятствие в виде закрывающейся перед носом двери задержало Петра не надолго. Но этого времени посланцу Остапенко хватило для того, чтобы вытащить из кармана хитрое устройство в виде большой авторучки.

Не очень громкий хлопок отдался эхом под потолком пустого коридора. Петро сделал по инерции несколько шагов вперед, постепенно выгибаясь всем корпусом назад. На его лице стало появляться выражение недоумения и досады. Он схватился рукой за расплывающееся на левой стороне груди кровавое пятно, прохрипел что-то невнятное и повалился лицом вниз. Его голова гулко стукнулась об пол.

– Зажрался, спецназовец, – ехидно прокомментировал мужик, убирая в карман свою игрушку. – Расслабился. Думал, с тобой все кулаками беседовать будут. Есть на свете люди и поумнее.

Он сплюнул и пошел к выходу, чуть приволакивая правую ногу.

Белозерцев выстрела самодельного пистолета не слышал. Через час с лишним он, обеспокоенный тем, что Петро куда-то делся, наконец вышел в раздевалку, потом в предбанник. И там он увидел открытую дверь в коридор и ноги в знакомых коричневых ботинках. Все негодование, злость мгновенно отошли на задний план. Сытая жизнь быстро расставила акценты в сознании. Первым делом нужно избавиться от тела и следов убийства здесь. Надо все сделать очень быстро, пока арендаторы еще в сауне и не отправились по домам. И только когда здесь будет чисто, можно думать о том, что и почему здесь произошло. Роман побежал за мобильным телефоном.

Тело увезли, чтобы сбросить в реку. Любое место на улице или в помещении обязательно наведет полицию на мысль, что Петро был убит в другом месте. Под ним не будет такой большой лужи крови. Парни Белозерцева обшарили каждый квадратный сантиметр коридора, но так и не нашли пули. Оставалось надеяться, что она застряла в теле. Еще пару часов пришлось потратить на то, чтобы создать и заставить своих помощников запомнить легенду. Петро этой ночью в

сауне не было. Его видели совершенно в другом месте.

За ночь Белозерцев, переполняемый злостью, раз десять пытался дозвониться до Остапенко. Сам он боссу не звонил уже примерно с год. И теперь оставалось думать, что тот либо сменил номер телефона, либо выключил мобильник на ночь. Наверняка у него был и второй телефон, для своих людей, был домашний телефон, номера которого Белозерцев тоже не знал. Роману очень хотелось услышать ответы на свои вопросы. Что за претензии к его работе? Что за хрена Остапенко к нему прислал и за что был убит Петро? Как минимум Рома Белый собирался потребовать голову того «посланца».

Остапенко нашелся сам в семь часов утра. Белозерцев только-только забылся тревожным сном на диване в офисе, как зазвонил его мобильник. Номер был незнакомый, но голос он услышал именно Михаила Ивановича.

– Ты чего там устроил, говнюк? – потребовал ответа Остапенко. Его голос звучал без гнева, а с какой-то брезгливостью. – Что за стрельба? Ты откуда такое быдло набираешь себе в помощники? Из уголовников, бывших дружков? Крепин!

– Какие претензии ко мне? – тут же вскинулся Белозерцев. – Это ваш тип стрельбу устроил, он моего человека убил! И никакого не уголовника!

– Хватит орать! – осадил его Остапенко. – Забыл, кто я и кто ты? Тело уберешь, следы скроешь. И чтобы никаких

концов, понял?

– Да понял, сделали уже...

– Не перебивай! Следы уничтожишь, чтобы мне с полицией не разбираться и не впрягаться из-за тебя.

– Ни хрена себе! Это как же из-за меня?

– Заткнись, я тебе сказал! Потом разберемся, как все произошло! А теперь ты мне скажи, где деньги за последнюю партию? Почему я должен свое ждать, да еще канючить?

– Всего два дня прошло, Михаил Иванович. – Привычно мысли Белозерцева переметнулись на вопросы текущей работы, оставляя тему убитого телохранителя позади. – Маленькая задержка. Когда я вас подводил? Еще пару дней, и вся сумма будет у вас.

– Меня не устраивают такие произвольные сроки! – голос Остапенко наконец сорвался на крик. – Ты своей бараньей головой можешь понять, что весь процесс плотно завязан, что деньги уже должны начать работать в другом месте? Что я не выполняю обязательства, потому что ты, урод, срываешь сроки, потому что ты зажрался! Деньги сегодня к вечеру привезешь лично! Всю сумму! Как и где ты их возьмешь, меня не интересует. Твои проблемы, ты и решай. И запомни, что ты мелкий уголовник, которого я нанял за бабки делать для меня работу. Я тебе дал все, я поднял тебя из грязи, дал фирму, чтобы ты легально сладко жрал и спал. Ты забыл, паскудник, что ты «никто и звать тебя никак»!

Белозерцев аж зарычал от бешенства. Это было оскорбле-

ние, страшное оскорбление для того, кто сидел, жил по понятиям. Эту фразу бросают как половую тряпку тем, кто в уголовной иерархии находится на самом низшем уровне. Тем, кого в зоне называют «опущенными», «машками». Это был со стороны Остапенко самый настоящий плевок в лицо.

– Какие у вас есть версии? – побарабанил пальцами по крышке стола райпрокурор.

– Собственно, самые первые, какие напрашиваются в таких случаях, – бойко начал отвечать Черемисов, – это версия ограбления и версия убийства из чувства личной неприязни. Она, как понимаете, может иметь место по двум причинам. Мартынов в прошлом работал в милиции, а это означает, что недоброжелателей из уголовной среды у него просто не может не быть. А во-вторых, он предприниматель. Обязательно кто-то остался недоволен зарплатой, кто-то затаил обиду за увольнение, какой-то партнер посчитал себя обманутым. А может, и в самом деле обманутый.

Пугачев, испытывая недовольство, повернул голову к своему помощнику, который влез со своими суждениями, когда вопрос адресовывался старшему.

– Вы вот что, Иван Трофимович, – повернул прокурор голову к Пугачеву. – С этим делом не затягивайте. Брат у Мартынова было нечего, я о нем слышал, и немало. Предприниматель, только бизнес у него такой, – прокурор неопределенно покрутил в воздухе пальцами, – не очень до-

ходный. Не нефтяная скважина, не ломбард. А мстить... да кому он нужен. Я думаю, что справочка, которую вы запросите в полиции по его прежней службе, вам даст понять, что ничем он там особо не выделялся. Ни громкими разоблачениями, ни важными расследованиями. Он, по-моему, даже не в уголовном розыске работал. Опыт мне подсказывает, что это какие-то гастролеры его убили, но с целью ограбления. Деньги в дороге кончились, вот они их и добыли. И дальше поехали. Вот и давайте, оформляйте все, как положено, а сами посерьезнее займитесь делом Борисова. Обязательно покопайтесь в его бизнесе, поищите махинации там. Не просто так у нас убивают такого уровня бизнесменов. Там ищите.

Это следовало понимать практически как приказ, хотя высказано все было в виде советов умудренного опытом прокурорского работника, рассуждений вслух, добрых пожеланий.

Когда Пугачев вернулся в свой кабинет в сопровождении помощника, Черемисов сразу же кинулся включать электрический чайник. Он знал, что Иван Трофимович в это время после планерки любил выпить чашечку чая.

– Так что удалось выяснить по поводу Мартынова? – спросил Пугачев, усаживаясь в свое кресло. – Ты оперативникам задание давал?

– Да, конечно, Иван Трофимович. Установить, что на момент убийства или накануне у него в доме были большие денежные средства, не удалось. По сделкам ничего не прохо-

дит, из банка он никаких сумм не брал.

– А в отделении банка, где у него открыт счет, с работниками не беседовали? Может, они знают, слышали от него, что ожидал он поступлений, может, как раз к ним и ехал в тот день?

– Опрашивали, конечно! – заверил Черемисов. – Первым делом все его окружение, которое с деньгами может быть связано, опросили, включая и банковских работников. Он ведь бухгалтера не держал, даже приходящего. Сам все бумаги вел. А еще мы проверили версию с ухажером дочери, который мог быть ею отвергнут и в состоянии аффекта убить и девочку, и отца. Думаю, начальство абсолютно право по поводу гастролеров, которых теперь ищи-свищи!

– Ну-ну, не спеши с выводами! – недовольно сказал Пугачев. – Я тебя просил узнать подробности по тому трупу, что в реке нашли рыбаки. Узнал?

– Да, это дело поручили Семенову. Обнаружил местный рыбак, который честно признался, что браконьерствовал – ловил сетью с сыном. Они тело и выволокли. Личность установлена – это некий Сомов Петр Андреевич восьмидесятого года рождения. Работал он неким помощником у генерального директора нашей местной фирмы. Директор этот – Белозерцев Роман Павлович, между прочим, судимый, но теперь, как понимаете, поднялся и на другой стезе. Опрошены свидетели, которые подтвердили, что в день убийства у Сомова был выходной. Есть основания полагать, что убийство

на бытовой почве, а не связано со служебной деятельностью.

– Бабник, пьяница, ранее судимый, застал сожительницу с хахалем? – с иронией спросил Пугачев. – На чем Семенов такие выводы сделал?

– А почему вас так этот Сомов заинтересовал? – вопросом на вопрос ответил Черемисов. – Если не секрет, конечно. Я что-то связи с нашими делами не вижу. Есть какие-то мысли?

– Пока нет, но надо быть в курсе всех важных происшествий в районе, – нравоучительно заметил Пугачев. – Так что? Был Сомов пьяницей, бабником?

– Вы знаете, Иван Трофимович, скорее наоборот. Не пил, не курил. Срочную служил на Северном Кавказе, потом остался по контракту. Вроде в разведподразделении каком-то. То есть подготовка у него определенная должна быть, и есть подозрения, что он занимался безопасностью в этой фирме у Белозерцева.

– Ладно, буду иметь в виду. Если что, то сам у Семенова спрошу. Теперь садись, бери ручку. Будем с тобой план дальнейшей работы сочинять по делу Борисова. Кстати, повторное вскрытие его супруги сделали?

– Да, я просто забыл, – смутился Черемисов, – я же его с собой принес, чтобы вам отдать.

– Расхождения есть с первыми результатами? – принимая прозрачный файл с документами, спросил Пугачев.

– Нет, все то же самое. Будем считать, что мы перестра-

ховались и нас упрекнуть не в чем. Увы, бывает, что люди умирают от горя, да еще неблагоприятно протекающая беременность. С патологией.

– Я смотрю, ты все уже для себя по полочкам разложил? – проворчал Пугачев.

Почему-то в последнее время старого следователя Черемисов стал раздражать. Он понимал, что молодой человек не обязан разделять его страхов, подозрений, просто плохого настроения. Но все равно что-то в нем раздражало. Ведь столько лет вместе проработали!

Глава 4

Разъяренный Игнатьев вышел из здания Управления. Бесило все: и заходящее солнце, и мягкий ветерок, и улыбающиеся люди. Взгляд, как нарочно, уперся в вывеску открытого кафе в конце квартала. Игнатьев сплюнул с ожесточением и решительно двинулся по улице мимо своей припаркованной машины.

В кафе было шумно и почти все столики были заняты. Играла музыка, молодежь пила пиво, хохотала. Несколько пар в возрасте вели себя немного тише, но тоже были явно в приподнятом настроении. Игнатьева это устраивало. Он терпеть не мог мрачного молчаливого уныния и терзаний наедине с собой. Если нужна разрядка, то нужно идти туда, где шум и гам. И водка.

На полицейскую форму под навесом кафе почти никто не обратил внимания. Единственный, кто насторожился, – это молодой дагестанец-бармен.

– Что вы хотели? Посидеть или?.. – с видом заговорщика спросил бармен майора.

– Водка есть?

– Да, конечно. У нас имеется разрешение на продажу крепких алкогольных напитков.

Оглядевшись, Игнатьев определился с местом для себя. В самом дальнем углу сидели двое. Один помоложе, второй

постарше. Курили «Приму», посасывали дешевое пиво и явно подливали в него из кармана принесенную с собой водку.

– Туда принеси, – ткнул Игнатъев пальцем в сторону столика. – И закусить чего-нибудь.

Ставив с головы фуражку, он протиснулся между столами и стульями с развалившимися на них разгоряченными телами. Не спрашивая разрешения, взял в углу за воротник того, что помоложе, и пихнул его на свободный стул. Уселся спиной к залу и стал доставать сигареты.

– Это че? – попытался возмутиться обиженный такими манерами мужчина, поправляя воротник рубашки. – Я мешаю кому?

– Мешаешь! – коротко и веско ответил басом Игнатъев. – Сиди и отдыхай, а то совсем вышвырну.

– Товарищ майор, – заплетающимся языком попытался вставить слово второй мужик, – а в чем дело-то?

– Нажраться хочу, понял? – зловещим шепотом в лицо ответил Игнатъев.

– А мы тут при чем? – снова попытался подать голос первый.

Ручища майора тут же схватила его за рубашку и притянула к себе. Глаза полицейского были злыми и бешено вращались.

– Слушай, говнюк! Я сказал тебе заткнуться? А ну сдернул отсюда, пока я тебя ногами вперед не выкинул через перила!

Игнатьев отшвырнул мужчину назад на стул. Тот ошарашенно стал шарить по столу, нашел свои сигареты и боком сполз со стула в сторону выхода. Второй, который был постарше, тоже попытался встать, но тяжелая рука майора легла на его плечо и придавила к стулу.

– А ты куда? За ним? Сядь, не выделывайся! Сказал же, что нажраться хочу. Сиди, один я не пью. Я буду пить, а ты меня слушать и тоже пить. Денег-то у тебя нет, так ведь? Тот-то! Повезло тебе, угощаю.

На столик со стуком встала запотевшая семисотграммовая бутылка «Пять озер», тут же появились тарелки с бутербродами, нарезанным дольками лимоном. Игнатьев одобритительно похлопал по руке девушку-официантку. Так и не успев закурить, он отложил сигареты и налил в две рюмки.

– Бери, брат, – кивнул он мужику. – Как меня зовут, тебе знать не обязательно. А вот как тебя зовут?

– Николай, – заулыбался мужик и послушно схватил рюмку.

– Ну, вот и давай, Коля! За то, чтобы вечер у тебя сложился!

Игнатьев выпил рюмку одним глотком. Шумно выдохнув, он закрыл глаза, поморщился и некоторое время так сидел, прислушиваясь к действию алкоголя. Тепло медленно стало расплзаться от пищевода и желудка по телу. Удовлетворенно крякнув, Игнатьев закурил и уставился на собеседника потеплевшим взглядом.

– Закусывай, Коля, закусывай. Жизнь штука хорошая, если иногда случаются приятные вещи. Вот у тебя случилось. Человек должен быть оптимистом, иначе сопьешься. Ты оптимист, Коля?

– Я-то? Да что я, – залепетал совсем ослотившийся мужик. – Вот на халяву выпил, и уже хорошо. Мне много не надо.

– Правильно, – одобрил Игнатъев и снова наполнил рюмки. – Давай за оптимизм. Каждый человек должен быть оптимистом. Пессимистом допускается быть человеку только при одной профессии – врача-проктолога. Он каждый день на работе видит такое! Знаешь, Коля, кто такой врач-проктолог?

– Нет, – испуганно заморгал мужик.

– Ну и выпьем за то, чтобы ты никогда этого не узнал!

Игнатъев снова опрокинул рюмку и съел бутерброд с колбасой. Только сейчас он понял, что зверски голоден. Поймав проходившую мимо официантку за локоть, потребовал две порции горячего. И снова наполнил рюмки. Коля, сидевший напротив, совсем раскис. Он безуспешно пытался прикурить сигарету.

– Эх, Коля, – опять с шумом выдохнул Игнатъев пары алкоголя, – живешь ты и счастья своего не знаешь. Вот брошу скоро все к чертовой матери и заживу такой же жизнью, как и ты! И пусть все катится в тартарары. Пусть друг друга жрут, тарелки друг другу вылизывают... и задницы. Ты слушай ме-

ня, Колян! Я тебя что, зря пою? Ты меня слушать обязан и поддакивать... Жизнь, Коля, вокруг дерьмовая, потому что люди вокруг дерьмовые! И я дерьмо, поэтому от меня и жена ушла. Детей у нас не было, вот и ушла. Она думала, что детей из-за меня нет, я думал, что из-за нее. А пока гадали да думали к врачам сходить, она взяла и ушла. Пью я, видишь ли! А как не пить, когда вокруг столько дряни, когда жизнь дрянь?

Игнатъев не видел, как мимо кафе проходил какой-то человек. Он замедлил шаг и внимательно посмотрел на дальний угловой столик, где сидел майор в расстегнутой до пупа форменной рубашке и бомжеватого вида тип в крайней стадии опьянения. На голове этого алкаша красовалась надетая набекрень милицейская фуражка. Человек криво усмехнулся и полез в карман за телефоном.

Дагестанец-бармен, который в этот момент проходил из туалета мимо незнакомца с телефоном, осуждающе покачал головой. Он вернулся за стойку и продолжал оттуда поглядывать. Наконец человек закончил разговор, еще раз посмотрел с нехорошей улыбкой в сторону майора и двинулся своей дорогой. Бармен тут же стал протискиваться к столику Игнатъева.

– Товарищ майор, – бармен присел на край соседнего стула и громко зашептал, – товарищ майор, там тип какой-то сейчас звонил по поводу вас...

– Чего? – зарычал Игнатъев, фокусируя взгляд на лице

парня. – Какой тип?

– Не знаю, он, наверное, начальству вашему звонил, что вы тут сидите в форме и пьете.

Игнатьев сгреб бармена за загривок и нежно посмотрел ему в глаза.

– Осуждают... а ты-то меня не осуждаешь, а... ты-то во мне человека видишь?

– Тихо, тихо, – заворочался бармен, пытаюсь освободиться из железной хватки пятерни майора. – Мне-то какое дело. Отдыхаете и отдыхайте. Имеет человек право выпить, когда ему хочется.

– Во-от! – толстый указательный палец Игнатьева закачался перед носом парня. – Когда хочется! А хочется всегда. Люблю я тех, кто понимает... ты понимаешь, друг? – и тут Игнатьева прорвало. – А остальных я всех имел в виду! И в остальные места тоже. Я уважения требую к себе, уважения, прежде всего как к человеку! А можно в этом дерьме человеком остаться?

Когда Игнатьев открыл глаза, то почувствовал, что вокруг тихо и темно. Тупо болела голова. Майор пошевелился, поднял голову и открыл глаза. Он сидел за рулем в машине. То, что это его машина, он понял сразу. Никто в общем-то об этом не говорил, просто почти все люди интуитивно чувствуют свое, родное. Что ты проснулся в своей постели или в чужой, в своем доме или в чужом. Это воспринимается на

уровне подсознания, даже если ты еще не открыл глаза. То же самое было сейчас и у Игнатьева. Он просто понял, что сидит в своей машине, и порадовался, что организм сработал на полном автомате. Он никуда не поехал, а в почти бессознательном состоянии залез в машину и уснул.

На часах было три часа ночи. Игнатьев с трудом вспомнил, что заходил в кафе, что тогда на улице еще было светло. В кафе он с кем-то пил, а чем все закончилось, он не помнил. Осмотрев себя, Игнатьев убедился, что следов драки на нем не было. Он полез в бардачок, где у него лежала одна очень полезная вещь. Электрическая чашка-кипяtilьник, работающая от прикуривателя. Пакетики с кофе и сахаром были на месте, как на месте была и бутылка воды на заднем сиденье.

Пока вода грелась, Игнатьев закурил и только теперь вспомнил, что день-то кончился хреново. Он нахамил заместителю начальника Управления, он лопухнулся с перехватом партии наркотиков, потому что кто-то слил информацию преступникам. А еще он подставился с задержанием депутата. Новая волна раздражения накатила, заставив стиснуть пудовые кулаки. Что же за система такая, до чего же все прогнило!

После двух чашек крепкого кофе Игнатьев ощутил, что основательно протрезвел. Пора было выбираться отсюда домой.

«Логан» летел по ночному шоссе, а Игнатьев за рулем боролся со сном. Усталость наваливалась, придавливала к си-

дню, туманом застилала глаза. Все-таки вторая бессонная ночь да огромное количество выпитой водки. Свет встречных фар двоился и троился. При приближении встречных машин Игнатъев сбрасывал скорость до шестидесяти километров в час, а потом снова набирал. Впереди показался хорошо освещенный участок шоссе, горбы стоявших вдоль обочины многотонных фур. Пункт ГИБДД, понял майор.

Он сбавил скорость. Лейтенант около двухэтажного белого строения со светящимися буквами на крыше вышел к дороге и поднял жезл, давая команду остановиться. Игнатъев нахмурился, но свернул к обочине и на ходу опустил стекло своего окна. Он этого лейтенанта знал, и эту смену тоже.

– Чего тебе? – раздраженно спросил Игнатъев, когда лейтенант обогнул его машину и подошел к дверце.

– Здравия желаю, товарищ майор, – без улыбки приветствовал его лейтенант и замолчал, поигрывая своим полосатым жезлом.

– Ну, здорово! – поторопил его Игнатъев. – Чего хотел-то?

– Тут насчет вас телефонограмма пришла, – лейтенант перешел на доверительный тон и облокотился на дверцу машины.

– Что я машину угнал? Или губернатора застрелил? – мрачно пошутил Игнатъев.

– Ну-у... не то чтобы так уж конкретно, – усмехнулся лейтенант. – Приказано при вашем появлении за рулем в состоянии алкогольного опьянения задержать вас, машину изъять.

О чем составить рапорт по соответствующей форме.

– Так, – Игнатъев сплюнул на асфальт через опущенное стекло, – пошло-поехало!

Он как-то сразу вспомнил, правда, как в тумане, но вспомнил, что кто-то ему в кафе говорил о каком-то звонке на начальству. Вложили, добрые люди, подсуетились!

– Кому вы там на мозоль наступили?

– Говорила мне мама, – проворчал Игнатъев, – что, мол, сроду ты, Зося, куда-нибудь, а вступишь! Не в партию, так в дерьмо! Бубенцову угораздило на мозоль наступить. Наступить, да еще попрыгать.

– Вы поезжайте потихоньку, товарищ майор. Я вас не видел, вы тут не проезжали. Как самочувствие-то, доедете?

– А что это ты такой добрый? – вместо ответа спросил Игнатъев. – Не боишься навлечь на себя гнев начальства?

– Они там своей жизнью живут, – с усмешкой ответил лейтенант, – а мы тут своей живем.

– Живем? Жизнью? – Игнатъев выругался. – Это, по-твоему, жизнь? Ладно, пока!

Майор врубил скорость и с ревом рванул машину с места. Он рвал коробку, переключаясь с одной скорости на другую, и матерился. С одной стороны, было приятно сознавать, что есть еще простое ментовское братство. А с другой стороны, он сегодня в полной мере почувствовал на себе абсолютно противоположное.

Роман Белозерцев предстал перед теми, кто его давно знал, совершенно в ином образе. Мгновенно слетели с него важность и лоск современного удачливого бизнесмена. Многие уже и не помнили, что слышали уголовный жаргон из уст Романа Павловича. Персонал фирмы тут же насторожился, не зная, чем эти изменения могут им грозить. И даже Наталья Васильевна стала держать какую-то непонятную дистанцию.

Хотя именно о Садовской Рома Белый сейчас думал меньше всего. Решение назрело, он должен показать зубы. И не ради того, чтобы кто-то начал его уважать. Это нужно было сделать тайно, тут нельзя было ошибиться. Если все получится, то он добавит к самому себе уважения. И это изменит расклад сил в районном и теперь уже в областном криминале, даст занять определенные позиции. А уж с них-то он, Рома Белый, заставит кое-кого уважать себя, считаться с ним. Яснее ясного, что чистая жизнь не получается и не получится. Снова придется возвращаться туда, откуда он вынырнул когда-то. К ворам, общаку, браткам. Не те стали авторитетами, и пора их подвинуть.

Деньги, которые он должен был вернуть Остапенко в конце того злополучного дня, Белый вернул. Для этого пришлось его ребятам пройтись по всем посредникам, мелким и средним оптовикам. Вопрос ставился ребром: или до конца дня деньги (которые, кстати, должны были отдать два дня назад), либо до утра кто-то не доживет. Вой, что это беспре-

дел, ребятки Белого погасили в корне. Договоренности были сделаны не вчера, а несколько лет назад, то, что была дана слабина, ничего не меняет. Теперь снова все будет строго, и точка!

Единственное, что не беспокоило Белого, – то, что у него не набиралось денег на оплату следующей партии, которая должна была прийти через неделю. И предназначалась она для других покупателей за пределами Романовского района. Кому, Белый не знал, не его это уже был вопрос. Его дело встретиться в назначенное время в назначенном месте, передать деньги, принять товар. Потом в назначенном месте и в назначенное время передать его людям Остапенко.

Жил в областном центре один неприметный человек. Собственно, неприметным он был для обычных граждан. Пенсионер, возможно из военных. Иногда он выходил из дома в магазин, с соседями неприветлив, никто никогда его не навещал. Больной, наверное, потому что все время кутался в одежды. Да и лицо у него нездорового землистого цвета в очень глубоких морщинах. Совсем как у собаки из породы шарпеев, только шарпея-дистрофика.

Этим человеком был старый знакомый Ромы Белого, трижды судимый за разбой и тяжкие телесные повреждения. Звали его Лука, с ним Белый познакомился во время последней ходки на зону. Там Лука ему как-то серьезно помог в одном деле, и Белый посчитал себя обязанным помочь корешу, когда поднялся в бизнесе. Лука с неодобрением отнес-

ся к тому, что Белый завязал, но в свою очередь помощь от него принял. За деньги Белого он вылечил застарелый туберкулез и стал жить тихой жизнью. Договоренность была, что Лука, когда понадобится, поможет Белому. Как это будет – зависит от конкретных обстоятельств. И вот теперь Белый решил, что эти обстоятельства наступили. Помочь ему пойти ва-банк поможет только Лука.

Встреча была назначена среди бела дня прямо в поле за лесополосой. Для Белого такой подход был не новостью. Те, кто доставлял очередную партию наркотиков, всегда перестраховывались, и он к этому привык. Вот и в этот день, когда ему позвонил Гасан и сказал, чтобы Белый готовился, Роман отдал обычные распоряжения, отправил эсэмэску Остапенко, что груз будет сегодня. Все было как всегда. Через три часа Гасан снова позвонил и назначил время, место и сказал, какие будут машины.

Лука, который все утро сидел рядом, молча кивнул и вышел. Роман хмуро посмотрел вслед старому уголовнику. Все, пути назад для него нет. Во всех смыслах.

Черный джип шел впереди, обгоняя попутные машины с нарушением всех мыслимых и немыслимых правил.

– Вот урод, – проворчал Гасан. – Бабла в тачку вбухал немерено, так поживи, насладись. Влетит же под «КамАЗ», потом соскребать с сиденья будут. Ты-то не увлекайся, – хлопнул он по плечу молодого водителя. – Нам нельзя рисковать, потому что рискуем не своим.

«Лендровер» послушно сбавил скорость. Гасан обернулся и посмотрел назад. Второй автомобиль – черный «БМВ» – шел следом как приклеенный. До места встречи было еще минут пятнадцать и километра три. Гасан на переднем сиденье вдруг уперся обеими руками в приборную доску и уставился куда-то вперед.

– Шухер, дети мои! – вдруг сказал он. – Ну-ка, притормози. Да на обочину, на обочину съезжай! Выйдите кто-нибудь, сделайте вид, что дотерпелся до последнего.

– Что это там? – спросил водитель, вглядываясь вперед.

– У тебя глаза молодые, сам мне должен был сказать, – проворчал Гасан. – Видишь, сколько ментов на дороге? А видишь, какие они машины останавливают? Во-от! Как у нас, внедорожники, да все темного цвета. Не нас ли ждут, а? Не сдал ли кто?

– Такие дела так не делаются, – солидно заметил голос с заднего сиденья. – Если чисто конкретно нас бы пасли, то взяли бы тихо. А тут просто шмон какой-то по мелочи.

– Может, и так, – согласился Гасан. – Только береженого бог бережет. Вон поворот впереди видишь, сынок? Вот по нему и уходи в поле. Ментам из-за поворота нас не видно, а грунтовкой мы как раз до места и доберемся. Не хочется мне думать, что Белый крысятничает, вроде и намек на такое никогда не было.

– Все когда-то в первый раз бывает, – опять глубокомысленно заметил голос с заднего сиденья.

– Разумно, – кивнул Гасан. – Волыны свои приготовьте, да по сторонам внимательнее поглядывайте.

На заднем сиденье зашуршала одежда, защелкали вынимаемые и снова вставляемые пистолетные магазины, лязгнули затворы. Владелец солидного голоса позвонил на мобильный телефон ехавшим в задней машине и передал приказ Гасана. Пассажиров затрясло на кочках и ухабах разбитой тракторами и грузовиками грунтовки. Хвост пыли потянулся, закрыв полностью шедший вторым «БМВ».

Дорога изгибалась, но упорно уводила обе машины в сторону видневшихся вдаль низких строений. Где-то впереди шоссе делало изгиб, и как раз напротив этих вот строений и было назначено место для встречи. Небольшое озеро дорога обходила справа. За раскидистыми ивами не было видно воды, но по обилию и пышности зелени ясно, что озерцо там есть. Гасан смотрел как раз на озеро, когда они объезжали его. На мостках сидел человек в широкой панаме, рядом валялся велосипед. Человек поднялся, когда первая машина поравнялась с ним, и жизнерадостно помахал рукой.

– Местный дебил, – прокомментировал голос с заднего сиденья, но окончить фразу не успел.

Что-то с шипением влетело через опущенное стекло задней дверцы и упало прямо на колени сидевшим там людям. Крики возмущения сменились криками от страха и отчаяния. Водитель, заходясь от удушливого кашля, ударил по тормозам. Гасан, успевший понять, что это ловушка, открыл

свою дверцу, но выпрыгнуть из машины не успел. Тошнотворная дурнота навалилась на него, голова ударилась о переднюю стойку, когда машина резко затормозила, и он потерял сознание.

Почти бесцветный дым быстро выдуло ветерком, но человек десять крепких парней подошли к машине все равно в самодельных повязках на лице, обильно смоченных каким-то раствором. Потерявших сознание из двух машин вытаскивали и раскладывали по кругу на траве. Невысокий человек, лицо которого было изборождено глубокими морщинами, открыл багажник первой машины, пододвинул к себе белый металлический кейс внушительного размера. По его знаку подошел парень, открыл кейс, вспорол один из пакетов ножом с выкидным лезвием. На кончике ножа поднес к лицу белый порошок. Понюхав и попробовав его, парень кивнул главарю и показал большой палец.

Человек со сморщенным лицом вернулся на берег пруда, где лежали восемь тел. Он неторопливо стянул с лица маску, принялся. Десять его помощников тут же начали стягивать свои маски.

– Гляди-ка, – сказал морщинистый и остановился возле одного тела, – и правда Гасан. Я думал, не он. Ну, не судьба, значит. Давайте, кончайте их.

По этой команде один из бойцов с низким лбом и коротко стриженными волосами вытащил из кармана самодельное орудие в виде отвертки с длинным жалом, торчащим из де-

ревянной ручки. Он присаживался на корточки возле лежащего без сознания человека, вставлял свою «отвертку» в ухо, наклонял так, чтобы жало смотрело под углом в сторону выше противоположного уха, и с выдохом бил ладонью по рукоятке. С противным хлюпаньем и треском разрываемых тканей инструмент входил в голову жертвы. Тело коротко дергалось в конвульсиях, иногда ноги продолжали дергаться еще несколько секунд, а палач переходил к следующему.

– А этот, кажись, кончился, – удивленно констатировал палач, сидя на корточках около Гасана.

– Давай, давай! – велел морщинистый. – Дырявь на всякий случай и его. Хуже не будет.

Оставалось прикончить еще двоих, когда пришел в себя парень с синими от наколок руками. Он вскинулся на траве, стал озираться по сторонам, закашлялся до слез. Двое бойцов схватили его за плечи, не давая встать на ноги. Парень быстро понял, что сейчас происходит на берегу этого маленького пруда, и забился в истерике.

– Лука! Это же ты, Лука! Ты чего, не узнал меня, что ли? Я Перец, Лука! Мы же сидели вместе, забыл? Не убивай, Лука, я тебе всю жизнь верным псом буду, Лука-а-а-я...

Крик перешел в сдавленный визг, тело парня повалили на траву, и «отвертка» вошла ему в мозг. Морщинистый брезгливо смотрел, как все еще дергаются ноги убитого парня. Он достал мобильный телефон, набрал номер и сказал в трубку короткую невнятную фразу.

Из небольшой балки выехал неприметный пыльный «уазик». Через пять минут от небольшого пруда посреди полей разъехались в разные стороны три машины. А спустя еще пару минут пыхнуло огнем, за клубился черный дым, и его потянуло по полю в сторону дороги. Потом пыхнуло огнем еще раз, и огонь запылал так, что его стало видно над деревьями с шоссе.

Белозерцев сидел в плетеном кресле возле бассейна в загородном доме Остапенко. Перед ним на траве валялись уже три пустые банки из-под пива. Пепельница на легком столике была полна окурков.

– Хватит пить! – рявкнул Остапенко, потрянув седыми растрепанными волосами. – Думай, я тебе сказал, вспоминай. Кто еще мог узнать, кто мог услышать?

– А я говорю, что это не через нас информация ушла! – заорал в ответ Белый. – Я что, в первый раз замужем? Столько лет уже... и хоть бы раз прокололся. Еще раз говорю, что это с их стороны кто-то.

– Твою мать-то! – грохнул Остапенко кулаком по столику, отчего на нем подскочили стаканы и пепельница. – Только этого мне не хватало. Теперь еще разборки начнутся, эти ваши уголовные сходки. Так, слушай меня, Роман! Ты в теме, если начнутся разборки с той стороной, то идти тебе. А я позабочусь о нашей безопасности. Пока твои уголовнички меж собой бодаются, я кое с кем повыше контакт налажу.

– Сходить могу, – кивнул Белый с кривоватой пьяной усмешкой, – чего же не сходить. Только предупреждаю: никаких обязательств. За чужой базар я отвечать не намерен.

– База-ар! – с презрением повторил Остапенко. – Как быстро с тебя лоск бизнесмена слетел. Опять к уголовному жаргону вернулся? Уркой ты был, уркой и останешься.

Белозерцев облегченно вздохнул, когда, наконец, оказался по другую сторону забора загородного дома Остапенко. Он устал играть послушную овечку, кивать и соглашаться. У него даже мышцы лица устали, потому что приходилось сдерживать эмоции и придавать физиономии соответствующее им выражение. Решение было принято, и момент теперь самый подходящий.

Рома Белый прекрасно понимал, что Остапенко работает не один, что у него масса помощников в деле торговли наркотой, куда бы он ее ни перепоставлял. И сегодня, когда Белый сидел у него перед домом у бассейна и терпеливо сносил оскорбления, кто-то из подручных Остапенко наблюдал за ними, слышал весь разговор. Это было хорошо. Даже если этому человеку будет поручено в один прекрасный момент убрать Белого.

«Не успеешь, падла, – с усмешкой подумал Белый. – Пусть твои дружки услышат, пусть узнают всю ситуацию, узнают о базаре по поводу партии, которую «кто-то» увел, за стрелкой понаблюдают. А на стрелке лохов не будет, там разговор начнется жесткий. Ваша территория, вот вы за ней и следите».

те. Партия, которую грабанаули, стоит таких денег, что из-за них и генералов не жалеют, не то что мелкоту всякую. Деньги эти возвращать надо, поэтому под угрозой войны будет поставлено условие активной помощи, условие – найти тех, кто увел тот кейс. А от угрозы войны до ее начала времени может пройти очень мало. Покажется кому-то, что его динамят, и будет вынесен приговор. И, главное, ни у кого не возникнет сомнений в том, кто заказчик. Причина уж больно серьезная. А на любом сходняке заказчика оправдают и поддержат. Он в своем праве и все сделал по понятиям».

Рома Белый ошибся только в одном – за стрелкой никто тайно не наблюдал. Нет, может, кто и был с биноклем где-нибудь, с сильными микрофонами или другими игрушками. Но в машину к Белому Остапенко посадил какого-то своего мужика, которого Роман в его окружении ни разу до этого не видел. Чернявый какой-то, волосы как будто все время растрепанные. И глаза такие... черненькие, хитрые. Ясно, что должен этот человек послушать, а потом доложить о том, все ли правильно Белый на стрелке говорил.

Разговор был короткий.

– Тебя, Белый, мы знаем, ты при делах. Только почему главный не пришел?

– Занят, наверное, – ответил Роман. – Мне велел, я и приехал.

Белый хотел было ехидной нагловатой улыбкой показать, что главный ни в хвост не ставит делегатов, в том числе и са-

му эту стрелку. Но это уже перебор. Тогда и его самого могут обвинить в злом умысле. А Белый себя должен обезопасить, лояльность свою партнерам показать. И он сдержался, говорил с озабоченным и скорбным выражением лица. Все как положено при общей беде.

– Пока к вам претензий нет. До этого времени все шло нормально. Может, вы и не приложили к этому делу руку, но все случилось на вашей территории, а вы за ней смотрите. Поэтому наши главные считают, что вы в ответе за случившееся. И вы обязаны разобраться и найти эту партию. Ваш главный должен понимать, что война никому не нужна. Товар стоил больших бабок, из-за них весь район в крови захлебнется.

– А если это менты?

– Менты так дела не делают. Они втихаря бы партию взяли и быков бы повязали до поры до времени. А там девять трупешников обгорелых. А вот если это гнилые менты сотворили, то ответят и они.

Когда Белый вернулся в машину, человек Остапенко не сказал ему ни слова. Так, молча, он и довез его до города. А потом Роман выждал ровно три дня. Наверняка у Остапенко были какие-то людишки, кому можно было поручить поиски, но они ничего не найдут. В этом Роман был уверен. И через три дня он в условленном месте оставил условный знак, который означал, что можно.

А Остапенко никого больше и не посылал с Белозерцевым

на стрелку. Он понимал, что заметить представители «партнеров» кого-то таящимся в кустах, за деревом, и их реакция может оказаться непредсказуемой. Нет, недоверие плодить он не собирался, ему было достаточно собственного недоверия к Белозерцеву и той идиотской ситуации, которая возникла в его «епархии». Остапенко не особенно разбирался в понятиях уголовников, но был согласен, что по совести Белозерцев должен ответить за случившееся. Это не магазин, а криминальный бизнес, построенный на крови и очень больших деньгах. Тут все надо просчитывать на десять ходов вперед, перестраховываться и предполагать самое невероятное, что этому бизнесу может повредить. А Белый зажрался, сидит, как барин, в кресле и думает, что все будет вечно идти по раз и навсегда накатанной колее. Вот тебе твоя колея!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.